18+

Света Тень

Второе родильное отделение

Женский роман

Света Тень

Второе родильное отделение. Женский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66036457
ISBN 9785005515490

Аннотация

Это исключительно женский роман, он противопоказан детям и подросткам до 18 лет, мужчинам, беременным и кормящим женщинам, лицам с заболеваниями центральной нервной системы.Книга содержит в себе автобиографичный материал и является памятником постсоветского времени, отражая состояние медицины на тот момент.Осторожно, в книге встречаются сцены насилия!На протяжении всего романа автор проводит параллель между родовым процессом женщин и других живых организмов, эти исследования весьма интересны. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть N 5
Душа 5
Киндер-сюрприз 15
Часть I 18
Страх 18
Приёмное отделение 21
Патология 24
Куры 25
Реанимация 35
Медведь 38
Второе родильное отделение 44
Слон 45
Палата №10 49
Тибет 51
Пауки 56
Австралия 71
Спустя полтора года 80
Часть II 86
Дневник Алисы Буле 86
Мамай 88
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Второе родильное отделение
Женский роман

Света Тень

© Света Тень, 2021

ISBN 978-5-0055-1549-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весь мир сошёл с ума, одна я нормальная,
но все считают наоборот. А всё потому,
что я не хочу вставать на учёт.

Алиса Буле

Часть N

Душа

Родителей не выбирают
(русская поговорка)

У меня есть полная уверенность, что наши дети нас выбирают. Точнее души наших детей. Что у них есть выбор, может это не совсем выбор, а скорее иллюзия выбора.

Душа такая-то такая-то по заслугам прошлых жизней вам доступны эти и эти родители для перерождения, а эти нет, выбирайте. Выбор есть, но он не богат, все как в жизни, как я сказала своему сыну после окончания школы, ты можешь поступать куда угодно, но только на бюджет. И может и хотел бы он учиться не в колледже, а в университете, только по баллам на бюджет в универ он не прошёл, поэтому учится в колледже, зато сразу на второй курс зачислили, а не ленись он и учись получше в школе, глядишь и учился бы в универе. Мы получаем все по заслугам. Ну да я отвлеклась. Так вот, как я это вижу, среди нас летают такие невидимые души наших будущих детей и ищут себе родителей. Пока не найдёшь родителей – переродиться не получится. Если выбор

не нравится, то летай дальше. Я так и вижу, как зелёненьким загораются возможности, эти и эти родители тебе доступны, а другие горят красным огоньком, хочешь стать сыном миллионера? А фиг тебе, не отработал карму, в этом перерождении можно только в рабочий класс вселиться, выбирай лучших из худших. И прямо вот в момент зачатия они и влетают в тело будущей матери, той, что приглянулась. И если душа влетела или может её всосало, если она слишком близко подлетела, я точно не знаю всего механизма, то ребенку быть, а нет, так трахайся хоть до скончания века, не будет тебе детишек, бог не дал, как говорят, а по мне так просто ни одна живая душа не захотела перерождаться у этих вот родителей. Поэтому я и против абортов. Хотя, это как посмотреть, возможно такая задача у той души, не родиться, стать ангелом еще до рождения. Один мой знакомый, когда ходил топить котят, всегда приговаривал, что он пошёл делать ангелов.

Мы с Сашей, видать, никудышные родители, нас не особо выбирали души детей. А выбрали они нас всего два раза, когда мы их удивили. Первый раз это было в лесу в палатке. Мы были в усмерть пьяные, особенно я, поэтому нам было пофиг, что рядом бухают друзья, что нас могут услышать. Мы тогда поехали на Кругобайкалку. Мальчики пошли за дровами на гору, а девочки решили выпить втихушку и упились моментально. Кто был на Кругобайкалке знает, дров там нет, туристов много, поэтому за дровами надо

лезть далеко, это сейчас все ходят на газу, а тогда мы предпочитали олдовые дрова – классика! И вот мальчики ушли, а мы распили на троих бутылку бехтеревки. Вы не знаете, что такое смесь Бехтерева? Я, если честно, тоже. Это наверняка какая-то гадкая врачебная приблуда, для психов, ну, мне так кажется. Но в нашем случае я так называю напиток придуманный мною же. Я не люблю водку, честно, в 14 лет я начала пить, в 16 бросила. Но на природу ехать, да без бухла? Водку я не пью, пиво и вино – шибко много и тяжело, джин или текила – дорого. Поэтому я придумала коктейль, берётся бутылка Запеканки или Спотыкача, это такая сладкая настойка, у нас на Кедре делали, можно любую сладкую слабенькую настойку, но лучше на чернослив, это классика, и смешивается с водкой один к одному, чем слаще настойка, тем больше надо разбавлять водярой. В целом получается приятная смесь 30—35 градусов, пьется легко, не требует закусона и срубает на раз. И вот я ужралась за пять минут, мне казалось, что я трезвая, но когда пошла пописать, мне захотелось поблевать, потом поспать, и я упала тут же в кустах. Машка, моя собака, боксер, меня охраняла и не давала парням меня поднять, через часок, выспавшись и слегка протрезвев, как только клещей не нацепляла? Видать в крови моей было слишком много алкоголя, но ни один клещ меня не цапнул, а с Маши мы больше сорока клещей сняли, потом просто со счету сбились, я ушла в палатку. Там-то мы с Сашей и заделали Бернарда, но мы тогда так не думали, у нас

просто была пьяная бесстыжая любовь, мы не предохранялись, кто же предохраняется по пьяни? Потом мы много раз пытались заделать ребёночка дома, на даче, во всяком случае я, я очень хотела девочку, но ничего не выходило, душам детей мы не нравились, особенно девичьим душам, один раз мы ещё раз сделали мальчика – это было в Питере на кухне и тоже по пьяни, то есть вот так не скучно и неординарно (или же наоборот ординарно, сдается мне, что большинство детей делается по пьяни). Поэтому я и считаю, что души сами выбирают. У нас не так много достоинств, мы бедные, никудышные родители, и души детей не хотят селиться в такой семье, но пару раз мы их удивили, один раз в палатке на Байкале, другой в Питере. Так что мой вам совет, делайте детей в интересных местах и не делайте абортов, если это душа вас выбрала родителем, это большая честь, не стоит этим пренебрегать.

Я не сразу поняла, что беременна. Летом поехали на Витязь той же компанией с ночевой, ну, и конечно, там мы опять выпивали. Я не смогла пить, это был первый признак, меня вырвало. Было так обидно, весь съеденный шашлык оказался в кустах. А вот Иринка напилась и пропала. Испуганный Павлик (он ещё не привык к этой её особенности и поэтому страшно разнервничался) бегал по лесу с фонариком и жалобно звал.

– Ира, Ира!

А вокруг темень непроглядная, мерзко пищат комары, глухо шумит река. У реки Пашуня и нашёл Иришу. Она лежала и отдыхала, и очень даже обиделась, когда Паблито с Сашей её подняли, поставили на ноженьки и отвели в палатку баинькать.

Все кругом пьяные и весёлые, только я одна трезвая как стёклышко и опять голодная.

Потом я не смогла курить и бросила – я уже стала что-то подозревать, да и месячные где-то запропастились.

Когда я поняла, что беременна, то очень обрадовалась. Мне было 24 года, и я очень хотела ребёнка, но меня смущал тот факт, что я не замужем, я ожидала скандал со стороны моих родственников, так и слышала мамин голос – В подоле принесла! Я сказала Саше, что если он хочет, то пусть на мне жениться, не хочет, до свиданья, я всё равно буду рожать. Саша не шибко хотел ребенка, но был порядочным человеком и согласился на свадьбу.

Первые три месяца по утрам меня регулярно тошнило. В июне мы отдыхали дикарями в Аршане. Тут наступает самое интересное, там меня перестаёт тошнить по утрам. Я, в общем-то, к этому уже привыкла, для меня это было также естественно, как чистка зубов. Проблевалась, почистила зубы, пошла завтракать. А в Аршане всё прошло, когда верну-

лись в город, тошнота вернулась.

Когда мы пришли в ЗАГС подавать заявление, выяснилось, что до декабря месяца всё занято. Меня это не устраивало – живот-то растёт, кому охота на свадьбе быть колобком? Но к нашему счастью нашлось-таки одно свободное время в пятницу тринадцатого октября. Лучше нельзя и придумать, во-первых не забудешь, во-вторых впереди выходные и можно гудеть три дня, в-третьих это ж Покров – великий православный праздник! Издавна на Покров гуляли свадьбы. А насчёт суеверий, так для меня нет лучше дня, чем пятница тринадцатого.

Я была примерной девочкой, поэтому довольно рано (как мне казалось) встала на учёт в женскую консультацию. Мой врач – бабулька, давно уж на пенсии, но в нашей стране на пенсию не прожить, вот она и вынуждена была работать.

Она тут же направила меня в больницу на сохранение, как я плакала. Моя мама узнала, что я беременна именно так, я пришла и сказала, что могу потерять ребёнка и поэтому ложусь в больницу. Какая я была тогда глупая и молодая. В больнице мне сказали, что у меня нет никакой угрозы, но раз меня направили, то я должна пролежать у них 10 дней. Просто мой доктор не хотела заморачиваться с анализами, вот и отослала меня в больничку, мол, там я всё сдам и при-

ду к ней уже готовенькая. Благо в больнице мне разрешали уходить домой ночевать, ведь угрозы-то нет. Я должна была приезжать в больницу к восьми утра, а после обеда шла к маме и отъедалась, у мамы всегда всё вкуснее. Лёжа на сохранении, я насмотрелась разных ужасов – у других-то женщин угроза была. Одна женщина родила шестимесячную девочку, другой сделали аборт, ну и прочие страсти. Крику было, мама дорогая! Запомнился мне там один доктор, заведующая отделением, очень славная женщина. Она нам сказала одну очень умную вещь: «Девоньки! Вы думаете, что мы здесь можем что-то сделать? Нет, мы можем лишь чуть-чуть помочь вам сохранить ребёнка, но главное – это лежать и не нервничать. Мы держим вас здесь в больнице, потому что дома вы все будете скакать, стирать, таскать тяжести. А вообще-то никто ничего не может сделать, если вам Бог дал этого ребёнка, то вы его родите, если нет, то вы его потеряете. А для вас сейчас главное лежать и не нервничать». Вот так она нам сказала.

После больницы у меня была свадьба, выпал первый снег, а потом свадебное путешествие в Аршан. В Аршане было хорошо. Я читала, гуляла, Саша ходил в горы, они там близко, из окна видать. Я же смогла дойти только до первого водопада. Я каждый день ела там настоящий деревенский творог, пила парное молоко, лакомилась сметанкой, ах какая это была сметанка, пальчики оближешь. Вечерами мы ходили в ка-

фе, называлось оно «Наран», что по-бурятски означает «солнышко». Там готовили очень вкусные бурятские позы, не менее вкусные чебуреки и пельмени. Чего-чего, а мяса там было много. Такая вот у меня была белковая диета.

Также существует практика ложных диагнозов. Чаще всего лаборанты, порой в сговоре с врачами, обнаруживают у молодых пациентов венерические заболевания, например – хламидиоз. Это заставляет здоровых людей тратить немалые деньги на лечение, а после – на повторную диагностику.

(из интернет источников)

По возвращении я опять пошла в женскую консультацию. Мой врач набросилась на меня с вопросами и упрёками, где я пропала и почему я так сильно набрала вес, ведь я лежала в больнице, а она знает, как там кормят.

Вообще беременность, моя первая беременность, протекала на удивление легко, кроме тошноты в первом триместре не было никаких токсикозов. Только в последний месяц я чуточку отекла, самую малость. Больше всего меня напрягала именно женская консультация, а точнее эта выжившая из ума старушенция – мой врач. Она постоянно мучила меня бесконечными анализами, часть из них была платной, взвешиваниями, диетами и сиденьем в очередях.

Удивительное дело, вроде бы она принимала по записи, но сидеть в очереди приходилось всё равно часами. Вот я записалась на 8 утра, самая первая, и что же? Прихожу я в консультацию и целый час жду свою старушку, где-то в 9 она появляется, да не одна, а с блатными. В лучшем случае она принимает меня в половине десятого, в худшем в десять, а ведь у меня работа. Дальше – хуже. У меня обнаружилась одна инфекция, но, к чему скрывать, это был хламидиоз. Каково же было моё удивление. Но откуда же взялся хламидиоз? Либо это была ошибка, либо меня заразили им в консультации, либо он достался мне от матери. Самое интересное, что у Саши его не нашли. Но нам пришлось таки пройти довольно дорогой курс лечения, что в конец обанкротило наш семейный бюджет. Я и так-то довольно жадная, поэтому не удивительно, что я отказалась повторно сдавать анализ, да дело не только в деньгах, просто мне не хотелось вновь идти в эту ужасную лабораторию, лезть на кресло. Я решила, раз им нужен этот анализ, то пусть делают его бесплатно. Как же я ошибалась, нужен-то он был именно мне, но никто мне об этом не сказал. Ещё пришлось пройти полное обследование у всех специалистов. И тут меня тоже ждала неприятность. Кардиолог назначил мне эхоЭКГ, не бесплатно, разумеется. Там у меня обнаружили бычье сердце и напугали меня, что будут кесарить, опять слёзы, переживания. Но при этом сказали, что возможно это ошибка, поэтому ЭКГ необходимо повторить, но в другой лаборатории и, опять таки,

за деньги. Я упёрлась, сказала, что денег нет. На самом деле никакая это не ошибка, у меня какой-то там клапан не работает как надо, это я потом вспомнила, что ещё в школе мне говорили, что левый желудочек шалит. Так вот, так как этот клапан не закрывается, как надо, кровь захлестывает назад, то сердцу приходится качать кровь в два раза больше, поэтому и само сердце стало большим, накачанным. Самое забавное, что при всех этих бесконечных анализах мне забыли сделать самый элементарный, группу крови я узнала только после родов, что у меня первая отрицательная, что мне очень повезло, многие лежат на сохранении все девять месяцев.

Киндер-сюрприз

На Новый год мне не пришлось придумывать себе новогодний костюм. Я была киндер-сюрприз: Малыш и Карлсон – два в одном. Для непонятливых объясняю, я была Карлсоном, а малыш сидит у меня внутри, а киндер-сюрприз, это потому как неизвестно кто там, мальчик или девочка – сюрприз, ну а киндер, это уж всем понятно, ребёнок. Я одела Сашину клетчатую рубашку и свои трикушки на подтяжках (единственные штаны, в которые я ещё влазила). Саша смастерил мне настоящий пропеллер используя моторчик от магнитофона и китайские часы-фонарик. На моторчик надевался пропеллер, всё это крепилось сзади к подтяжкам, а проводки вели к часам-фонарику, который я прикрепила спереди к штанишкам. Стоит только нажать кнопку и фонарик начинал светиться, а сзади тихо, но уверенно крутился пропеллер. Так что костюм у меня был очень даже ничего. Взлетать я, правда не взлетала, с моим-то весом в 105 кг (всем говорила, что нужно заправиться, банка варенья подойдёт), но эффект был поразительный, все подходили нажать на кнопку. Мой костюм был самый простой и оригинальный.

Ходить на работу было всё труднее. Наконец я получила декретные и рванула в Москву к своей подруге Юле по-

дальше от всех этих стрессов. Я решила, раз это мои последние личные деньги, то я их потрачу на себя. Я безумно люблю путешествовать, соскучилась по любимой подружке, да и в ближайшие годы я буду принадлежать семье, какие путешествия с маленьким ребёнком. Денег мне хватило только на билет туда, на обратную дорогу дал денег Саша. Хочешь увидеть жену и ребёнка? Плати! И он заплатил. Маме я ничего не сказала, знали все, кроме мамы, она у меня человек властный и чувствительный – зачем портить настроение ей и себе. Слетала я замечательно, со мной была моя обменная карта, все документы, полис, так что если бы что и случилось, местные врачи бы мне помогли, чай не в тайгу еду, так я рассуждала. Но ничего не случилось. Я удачно прилетела.

Москва встретила меня тепло (t -5 ^{0}C), всюду слякоть, огни, суета. С Юлей мы договорились встретиться в метро, ведь я прилетела очень рано, в 7 часов утра. Я набрала с собой полный пакет конфет и фруктов, (в Москве же конфет нет – шутка) ведь было 2 января – Новый год, как никак. Пока я её ждала, то ходила по станции метро туда сюда, пакеты тяжёлые, и я их поставила у стенки, так милиционеры, бдительные милиционеры подошли ко мне и спросили, мои ли это вещи, они приняли меня за террористку, умора! Никогда не видела террористов на сносях.

По возвращении домой меня стали посещать нехорошие

предчувствия. Я очень хотела рожать платно в роддоме в Радужном, но это было очень дорого, а свои декретные я уже промотала, да и не хватило бы их всё равно. Я просила матушку и Сашу, чтобы они дали мне денег на платные роды, мама тогда была директор, и денег у неё было дофига! Но они оказались слишком жадными и денег не дали (хотя я могла бы вместо поездки сама оплатить свои роды, хотя бы часть, так что винить особо некого). Мол, платить такие деньги за пять дней в роддоме, да за что? Мама рассказывала про своих многочисленных знакомых, неудачно родивших за деньги, одной ребёнка заразили стафилококком, другой гепатитом.

– За что платить? Рожаешь ты всё равно сама, за уважение, за отдельную палату с туалетом и ванной, за то, что к тебе могут приходить родственники? Ничего, перебьешься, полежишь недельку как и все, я родила вас двоих без всяких денег.

Таковы были доводы мамы, но на самом деле ей было просто жалко денег. Хотя возможно она и права. А потом я не родила в срок, и меня отправили ложиться в роддом, но когда я туда пришла, меня не взяли, сказали, что у них карантин – эпидемия гриппа, когда начнутся схватки – приходите.

2001 год

Часть I

Страх

Страх. Страх живёт в нашем будущем, а питается нашим прошлым. Это я сама придумала. В настоящем страха нет, в настоящем нет места страху, в нём есть только действие. В романе Робертсона Дэвиса «Пятый персонаж» главная героиня говорит пятому персонажу уходящему на войну, чтобы он, главное, ничего не боялся, в этом нет никакого смысла. И он пытался не бояться, но тем не менее боялся, и плевать ему было, есть в этом смысл или нет. Кастанеда в своих книгах тоже уделял страху особое внимание. Страх является первым врагом для воина на пути знания, хотя я, возможно, что-то и напутала.

Но страхи тоже бывают разные. Одно дело, когда мы точно знаем чего боимся и совсем другое – страх неизвестности. Это даже и не страх, так, любопытство. В своих страхах мы всегда руководствуемся предыдущим негативным опытом, своим или чужим. Например, я боюсь упасть с крыши, хотя с крыши никогда не падала, но опыт других людей, которые пробовали это сделать, меня убеждает, что это больно и даже смертельно. Или же я боюсь обжечься, тут-то как

раз работает мой личный негативный опыт, я точно знаю что это больно. Я ужасно боюсь кататься на лыжах, точнее, скатываться с горы. Когда один раз порвёшь связки на ноге при неудачном падении, ты меня поймёшь. Машина меня както сбивала, ничего в этом страшного нет, я даже и не испугалась, больше напугался водитель сбивший десятилетнюю девочку. Сбили меня несильно, так пустяки, шишка на голове, да синяк на бедре, а вот лобовое стекло своей черепушкой я ему разбила. Я тогда больше всего боялась, что об этом узнает мама. И хотя мой личный опыт не был негативным, но я всё равно, переходя улицу, на всякий случай смотрю по сторонам, значит-таки боюсь.

Но иногда страх становится нашим врагом, это сковывающий, всепоглощающий страх. От такого страха цепенеешь, теряешь над собой контроль, способность адекватно воспринимать мир и принимать верные решения. Особенно опасен долгоиграющий, постоянный страх, врачи называют это фобией, например, клаустрофобия – страх закрытого пространства и т. д. Когда страха нет – тоже плохо, он помогает нам выжить в этом мире. Но он не должен мешать нам, страх должен быть союзником, а не врагом.

Когда я первый раз была беременна, то не очень-то боялась родов. Ну что в этом такого, все рожают, нормально. Конечно, маленько побаивалась, в основном боялась, что меня

прокесарят (верно интуиция), а не родов как таковых. Но рожать я, честно говоря, не хотела. Моя беременность протекала на удивление легко, мне было хорошо, я гуляла, ходила в плавательный бассейн, самочувствие отличное, поэтому рожать как-то и не спешила. Просто не хотелось ничего менять в жизни: пелёнки, распашонки, кормления, ночные бдения. А так удобно: ходишь себе, куда захочешь, ребёночек в животе, пить-есть не просит, всё получает через кровь – красота. Единственное о чём я мечтала, это поспать на животе, я всегда засыпаю на животе, а тут такой облом, на спине не заснуть, на боку тяжело, на живот не ляжешь. И ещё, когда я хотела спать, мой малыш просыпался и начинал кувыркаться у меня в животе, те ещё ощущения. В тебе живёт независимый организм со своими привычками и причудами. А попробуй засни, когда у тебя в животе происходит такое. Но в целом быть беременной мне очень нравилось. Может быть поэтому я и переносила своего первенца на две недели, а может быть это просто особенности моего организма.

Приёмное отделение

Наш роддом находится в самом сердце города на улице Рентгена. Это старинное трёхэтажное здание с высокими потолками и въевшейся в стены самой разной инфекцией. Моя мать родила меня в нём, так что он мне дом родной. Я плохо помню что там и как было, видимо, от волнения. Я была уверена что рожаю, были такие схваткообразные боли в области поясницы, мама сказала, что это и есть схватки, пора ложиться и рожать. А вот мой врач из женской консультации о самом главном-то рассказать и забыла или не посчитала нужным вводить меня в курс дела, что такое схватки и как они выглядят. Пора так пора, я с радостью. Мою обменную карту тщательно изучили, спросили, почему я не пересдала анализы на хламидиоз и не сделала повторного ЭхоЭКГ? Нет денег – был мой ответ. У меня забрали одежду, и я вошла в дверь разделяющую мир. Мама осталась там. А я?

Я оказалась в тюрьме. И тут такое началось. Представьте себе юную девочку не знающую, что на хамство нужно отвечать хамством, не умеющую постоять за себя, хрупкую и растерянную, пугливую, как лань. Ну уж это я загнула, в тот момент я больше походила на слоника, с моим-то пузом. Но внутри меня жила лань, пугливая и нежная лань. Меня крутили и вертели, измеряли и взвешивали. Иди туда, сядь

там, раздвинь ноги, а я голая! А кругом люди ходят! Я просто сгорала от стыда. Мне сделали клизму, позор, какой позор. Потом обрили тупой и холодной бритвой и отправили в душ. И всё это на виду у всех, конечно, никому не было до меня дела, но я тогда обладала повышенной стыдливостью, я ведь даже никогда не ходила писать с девчонками за компанию, настолько для меня всё это было интимным процессом. Ну почему мой врач меня не предупредила об этом, ведь всё это я могла сделать дома, почему мне ничего не сказала мама, ведь она-то рожала и обо всём знала? Спасибо медсестре Маше, холодной и красивой, как Снежная Королева. Она это делала со мной как-то отстраненно, явно машинально, думая о чём-то своём, огромное ей спасибо, я не так страдала, но всё равно мне хотелось провалиться сквозь землю, а лучше убежать домой. Мне казалось, что я очутилась в лагере для заключённых и меня скоро поведут в крематорий. Обращались со мной, как с вещью, никакого намёка на вежливость. Наконец-то я надела ночную рубашку, голый человек теряет всякую уверенность. Меня повели в смотровую.

С доктором мне крупно повезло. Это был милый молодой гинеколог, очень вежливый и добрый. Он подал мне руку и помог залезть на кресло, когда вешаешь 105 килограмм это не так-то легко. Он вытащил из меня что-то, я испугалась, но он меня успокоил, что достал пробку. Я тогда знать не знала что это, но мне всё это не понравилось. Сказал, что

воды ещё не отошли, и ушёл. Мне по-прежнему никто ничего не объяснял. После меня положили в предродовую палату. Матрас на кровати просто пропитан кровью, точнее он в клеёнке, но под ней видно, что крови на нём пролилось много и разной, цвета матраса уже и не видать под старыми и новыми засохшими пятнами, стало как-то не по себе. Рядом лежала женщина и кричала, она была в родах, беседовать с ней было бесполезно, да и обстановка как-то не располагала к беседе. Из коридора доносились возмущённые мяукающие крики младенцев. А у меня ничего. Я лежала и наблюдала, пришла медсестра Маша и понацепляла на меня каких-то проводочков, включила булькающий и пищащий аппарат и ушла. А у меня по-прежнему ничего. Ничего не болит, всё прошло.

Часа через четыре меня отправили на третий этаж в «Патологию». Мне объяснили, что я ещё не в родах, а те боли, что я приняла за схватки, вовсе не схватки, а всего лишь предвестники. Но так как я уже перехаживаю две недели, то меня отправляют не домой, а в «Патологию», я вообще уже давно должна была там лежать. Там меня будут наблюдать и стимулировать.

Патология

И тут я заплакала. Напряжение дня прорвалось наружу. Был глубокий вечер, ужин я проворонила в предродовой. Девочки по палате пытались со мной говорить, но я лишь шумно всхлипывала и рыдала уткнувшись в подушку, отвернувшись к стене. Я жалела себя. Я терпеть не могу больницы. Что я тут делаю? Как хорошо сейчас сидеть дома, смотреть телевизор, пить чай с конфетками. Почему? Почему мне никто ничего не сказал? Какие они эти схватки? Почему мама не рассказала мне о клизме и бритье. Мне было очень стыдно. Первая ночь в больнице самая тяжёлая, ты ещё не адаптировался, никого не знаешь, не знаешь порядков и у тебя ещё не всё есть из нужных вещей. У меня не было денег. На втором этаже был телефон-автомат, но нужны были рублики, я даже не могла позвонить родным. Мобильные телефоны были тогда большой редкостью. Ночью мне не спалось. Чтобы не мешать соседкам по палате я бродила по пустому тёмному коридору, затем спустилась на второй этаж и сидела там на диванчике предаваясь своим горьким мыслям. Тёмный холодный коридор, никого нет, пусто, вдалеке кричат младенцы, и чего они всё время плачут, не кормят их что ли? В отчаянии я написала Саше записку.

Сашенька. Ангел мой ненаглядный, неужели ты меня на-

всегда оставил? Дорогой мой, любимый, сильный и добрый. Я так хочу прижаться к твоей груди, опереться о твоё сильное плечо. Забери меня отсюда, умоляю тебя, забери скорее, мне здесь так плохо и страшно. Я хочу домой. Я очень скучаю.

Твой слонёнок Алиса

На самом деле мне мешало огромное чувство собственной важности, как сказал бы дон Хуан. Но я не воин, я всего лишь напуганная беременная женщина. И всё же жаль, что в тот момент я поддалась иллюзии мира и позволила ей завладеть моим сознанием. Я относилась слишком серьёзно как к своей жизни, так и к самой себе. Жалела я себя часов до двух ночи, а потом мне это надоело и я пошла спать.

Куры

И почему женщины не несутся как куры? Вот было бы здорово! Никаких тебе абортов, противозачаточных средств, кесаревых сечений, выкидышей, убийств новорожденных. Снёс яичко, не хочешь ребёнка – сделал из яйца яичницу. А хочешь, так сел и высидел себе маленького, а если он сразу встанет и побежит, как цыплёнок, так вообще здорово! Я представляю себе это так – женщины несутся. Одни предпочитают высиживать яйца традиционным способом, другие, больно занятые, сдают свои яйца в инкубаторы, третьи предпочитают комбинированный вариант, пусть себе яичко боль-

шую часть срока находится в инкубаторе, ну а уж последние деньки, так и быть посижу сама, ведь это так важно, чтобы младенец первым делом увидел свою мать. Я уже молчу про пол ребёнка, что ты сам можешь планировать, кто у тебя будет, мальчик или девочка. Если хочешь девочку сделай температуру в инкубаторе попрохладней, мечтаешь о сыне – добавь жару. А имеем ли мы право выбирать пол ребёнка? Представляю себе споры женщин, какой из способов лучше, статьи в газетах и журналах, ток-шоу по телевидению. Учёные защищают диссертации, пишут умные книги. Мнения разнятся. Одни доказывают несомненную пользу инкубаторов: стабильная температура, стерильная обстановка, наблюдение специалистов с помощью сверхсовременного оборудования за правильным развитием плода, другие говорят о духовном общении матери и яйца, материнское тепло не может заменить искусственный организм. Проводятся исследования, соцопросы, но споры не утихают.

А в серванте, за стеклом, на атласной подушечке бережно хранится скорлупка, – Вот из этого яичка ты вылупился пять лет назад, таким вот был крохотулечкой, а сейчас вон какой большой! – рассказывает мама пятилетнему малышу, деловито утирающему сопли пухленьким кулачком. В каждом доме, где есть дети, хранятся подобные скорлупки, хранятся на самом видном месте – главное украшение дома и гордость родителей.

А что же делать с яйцом, которое должно так и остаться яйцом? Съесть? В блокадном Ленинграде так многие поступали бы, у некоторых северных народностей это тоже было крайне распространено. Но в современном обществе это недопустимо. Я думаю, бомжи бы поедали втихушку собственные яйца, а что? Сама снесла, сама и съем, чего добру пропадать. А интеллигентный человек, скорее всего, сдавал бы яйца в специальные пункты приёма яиц. Оттуда бы они поступали на фабрики, из них делали бы дорогие и жутко полезные крема, лекарства, удобрения и корма для животных. Ведь сдают клиники абортный материал и послед на подобные фабрики в нашем мире, так почему бы в моём выдуманном мире не действовать также. Человеческое яйцо богато витаминами, микро- и макроэлементами, аминокислотами и белком.

И почему женщины не несутся как куры? Я даже была бы согласна, чтобы ребёнок рождался слепым и беспомощным, как у многих хищных птиц. Ладно уж, пусть не бегает сразу, как цыплёнок, но только не гадать: залетела – не залетела, не пить противозачаточные таблетки, не носить эту тяжесть 9 месяцев, отказывая себе в кофе и шоколаде, не мучиться потом в родах, а просто взять и снести яичко. Глядя на кур незаметно, что это очень больно или неприятно: покряхтела, снесла, довольно закудахтала и пошла.

Вы скажете, что млекопитающие не могут нести яйца, это прерогатива птиц. А вот и неправда. Уважаемый утконос – млекопитающее чистой воды, несёт яйца, а потом вскармливает детёнышей молоком и плевать ему на мнения всех учёных мужей планеты.

Ехидная ехидна так вообще неизвестно как потом своё единственное яйцо кладёт в сумку, учёные до сих пор не разгадали этой загадки. Она сочетает в себе и весьма удобный способ несения яйца, как птица, и вынашивание детёныша в сумке, как кенгуру, а кормит своё чадо молоком и не парится. Так за это её называют ещё примитивным животным, нам бы такую примитивность. Хотела бы я рожать, как ехидна, даже согласилась бы на колючки, как у ежа и жить в Австралии, только не рожать в роддоме на Рентгена. Ехидны прекрасно справляются со своими родами сами без помощи акушерок и гинекологов, впрочем, как и весь животный мир в целом.

***

Следующий день показался мне уже не таким страшным. Я познакомилась с девчонками. Нас в палате было четверо: Жанна, Жанна, Юля и я. Одна Жанна лежит здесь уже неделю, все её вены исколоты, ей постоянно ставят капельницы –

стимулируют. Вторая Жанна – молодая девчонка, она как и я пришла слишком рано. А вот о Юле разговор отдельный. Этой девушке всего 16 лет. Она очень худая, даже, пожалуй, истощённая. Мне она напомнила испуганную и затравленную зверушку – при первом взгляде на неё в глаза бросались большие, тёмные, блестящие, внимательные глаза (каламбур), да именно так – вся Юля состояла из этих глаз, полных страха, любопытства и дерзости. Она поведала нам свою историю, и, хотя у меня есть сомнения насчёт правдивости, но всё равно её рассказ ужасен.

Её старшая сестра-наркоманка убила родителей и сожгла дом. Сестру посадили, а Юлю отправили в детский дом, откуда она благополучно сбежала. Возвращаться ей было некуда. На рынке она познакомилась с продавцом-таджиком, с ним Юля и стала жить в вагончике, таджик был беден. Она ему стирала, готовила и делала всё остальное, а он её за это иногда кормил и часто бил. А потом его убили. И наша Юля, как переходящее знамя, досталась его другу и соотечественнику вместе с вагончиком в наследство. Этот обращался с ней хорошо, с её же слов, он меня не бьет (велика заслуга), питание трёхразовое: понедельник, среда, пятница, иногда реже. Ела объедки, и в это я охотно верю, уж очень худа была наша Юлятка. От него-то она и ждала ребёнка, этот добрый таджик ни разу не навестил свою женщину.

Я не ем больничную еду. Меня всегда удивляло, как можно из нормальных продуктов сварить такую гадость. Это ж надо очень постараться! А как они варят свой чай для меня вообще секрет, но пить это точно невозможно, это скорее чайный напиток, потому как он так же далёк от чая, как кофейный напиток от кофе. В больницах я лежу редко, но когда уж я туда попадаю, готовит мне мама, это её прерогатива – обеспечивать меня нормальным питанием. А свою больничную еду, дабы не обижать поваров, как-никак старались, готовили, я всегда собирала в банки и отправляла на корм собаке, ей больничная еда всегда очень нравилась – какое разнообразие, какое богатство вкуса, какое сбалансированное питание!

Но на этот раз я изменила своим правилам. Всей палатой мы кормили Юлю, она съедала все четыре порции, уверяла нас, что всё это очень вкусно, причём ни капли не лукавила, изголодалась, бедняжка. Ей очень нравилось в роддоме: тепло, чисто, светло, кормят, она хотела пробыть здесь как можно дольше, она не знала, куда ей отсюда идти с младенцем. В вагончик? Она боялась, что с малышом таджик её просто выгонит. А уж о том, что у неё не было ни одной пелёнки, распашонки и говорить не приходится. На фоне этой бедной девочки я почувствовала стыд за свои ночные страдания. Да и мама уже привезла мне поесть, денег – жизнь налаживалась.

В обед пришёл Саша. К нам, бесплатным роженицам, гостей не пускают, это возможность есть у тех, кто рожает за деньги. Поэтому можно было поговорить только через маленькое окошечко, предназначенное для передач. В фойе был сильный сквозняк, у окошечка толпилась уйма народу, все кричали, пытаясь услышать друг друга. Говорить в такой обстановке было невозможно. И тут у меня появилась идея. В правом крыле роддома на третьем этаже была лаборатория, куда во время беременности я сдавала анализы, туда можно было попасть через подвал. А там и выход на улицу. И я рискнула, терять мне было нечего. В подвал ходили курить, но вообще-то ходить туда нам запрещалось, там была раздевалка для врачей, туда же мы сдавали свои вещи на хранение. Через подвал я незаметно прошла в правое крыло роддома и очутилась на улице.

А на улице Саша и весна. И хотя стоял февраль, но было тепло. Ласково грело солнышко, стучала капель, в лужах отражалось синее небо. Я выскочила в одном халатике и тапочках, Саша накинул мне на плечи свою куртку, мы с ним поболтали, я пожаловалась на весь этот кошмар, он меня пожалел, пора было возвращаться, но возвращаться было неохота. Тогда я и решила сбежать. Саша поймал машину, и мы поехали к маме. Мама совсем не обрадовалась моему поступку и настояла на том, чтобы я вернулась в роддом. «Ты меня

позоришь», – сказала она. Я была с ней не согласна, но мои вещи и документы остались в роддоме, поэтому возвращаться всё равно надо. Мы пообедали, папа завёл машину, и мы поехали. Вернулась я так же, как и ушла – через подвал. Никто моего отсутствия не заметил, только девчонки по палате удивились, где это я пропадала полдня?

Ночью стала рожать Юля, её увели вниз. А утром она прибежала к нам жутко довольная, бойкая и весёлая, только ребёнок у неё родился маленький, вес всего 2100, как недоношенный, это всё оттого, что она плохо питалась.

В десять нас повели на УЗИ, мне сказали, что всё нормально, будет девочка. Каждый раз на УЗИ мне говорили, что у меня девочка. На очереди был поход в кабинет Зав. Отделением. Девчонки мне сообщили, что после того как посмотрит заведующая все рожают, знает она куда надавить – свои маленькие профессиональные секреты.

Заведующая оказалась сильной и весёлой женщиной лет сорока пяти, я вижу её иногда по телевизору, она говорит, как хорошо рожать у них в роддоме – врёт. Когда она засунула в меня свою руку и чего-то там сделала, меня пронзила острая боль, я даже закричала, из глаз брызнули слёзы. Но она меня неумело успокоила, мол, ничего страшного, матка сокращается, если через два дня не рожу – будут сти-

мулировать, но я рожу, сроки терпят, и ничего я не перехаживаю. Я ей пожаловалась, что у меня появилась в роддоме мазня после первого осмотра милым доктором, но и тут она меня успокоила, это нормально.

Мало ли что может случиться пока несёшь ложку ко рту.
Милорад Павич

Пообедали. Я собралась вымыть посуду. Встала. И так и осталась стоять. Из меня лилось как из ведра. Кровь хлестала между ног. Я не могла пошевелиться (сковал страх). Со мной никогда такого не было. Девчонки побежали к медсестре, она сказала, чтобы я воспользовалась прокладкой, но прокладка то у меня была, только толку от неё не было, на полу быстро образовывалась лужа крови. Тут прибежала медсестра, глаза её были испуганные. А я всё стояла, боясь идти и не зная, что со мной происходит и что делать? Потом появились носилки, меня уложили и повезли по коридору. И тут до меня дошло, что дело плохо. Я попыталась соскочить с носилок, стала сопротивляться и бороться, несколько человек меня держали. Я боролась не на жизнь, а на смерть, носилки уже закатывали в операционную. На каждой руке и ноге висело по два человека, где уж тут воевать, по одному бы я с ними махом расправилась, но они навалились всей кучей. Они привязали меня. Я всё ещё отчаянно сопротивлялась в неравном бою с белыми халатами. Мне раздвинули ноги и стали пихать катетер, кричали и били, было больно.

Чьи-то руки держали голову, у меня сложилось чёткое ощущение, что меня насилуют. Да, да именно насилуют. За день до этого меня пытались принудить подписать одну бумагу, где я давала своё согласие на операцию в случае чего и снимала с врачей всякую ответственность за последствия. Разумеется, я эту бумагу не подписала и отчётливо это помнила. Я крутила головой, все остальные части тела были крепко привязаны. Меня насилуют! На лицо одели маску, нечем дышать, я задыхаюсь, я пытаюсь вырваться, но сильные руки крепко держат мою голову. Я задыхаюсь, я умерла. Это была последняя мысль в моей голове. Больше я ничего не помню. Но ощущение было именно такое, что я умерла. Задохнулась.

Родила я, если процесс доставания младенца из бессознательного тела можно назвать родами, в 17:55, 28 февраля 2001 года.

Реанимация

Издалека донёсся женский голос: «Поздравляем, у вас родился мальчик, рост такой-то, вес такой-то». Это не мне, у меня девочка, это говорят не мне, дальше я не слушала. Я проваливалась в неизвестное. Сложно описать это состояние, это не сон, нет, это тьма, вязкая субстанция, где время остановилось, где нет мыслей, нет сознания, там ничего нет. Сколько времени я пробыла без сознания не знаю, может пять минут, может два часа, ведь там нет времени. Меня бьют по щекам – очнитесь, очнитесь. Я пытаюсь медленно собрать себя и думать, и слушать. Опять голос за кадром, да за каким кадром, никакого кадра нет, я не могу открыть глаза, я не могу пошевелить пальцем, но я слышу, и они знают, что я слышу: «У вас мальчик, рост 57 см, вес 4,150 кг». Однако, это всё-таки мне, у меня мальчик? А всё говорили девочка, девочка. Я стала слушать внимательней. Потом что-то про зелёные воды, ребёнок переношенный, кожа шелушится, он, оказывается, уже активно писал и какал прямо мне в живот, ну и дела! И опять темнота и пустота, я отключилась.

События путаются, я не могу точно воспроизвести ту ночь, ибо когда я наконец смогла открыть глаза, была уже ночь, тускло горел ночник у столика дежурной медсестры. А до этого меня несколько раз хлестали по щекам, а потом

я опять проваливалась в пустоту. Очнулась. Меня пронзила острая боль, и я закричала, ах, как я закричала, благо кричать я умею. Прибежала медсестра и стала на меня орать, что я ей спать мешаю. – Заткнись, сука! Чего ты орёшь, дура, – и дальше в том же духе, очень вежливая девушка, и чего это она на меня так взъелась? Но боль была адская, поверьте мне, ничего более страшного я ещё не испытывала, а испытала я в жизни немало. Удивительное дело. У боли нет предела. Когда я порвала связки на ноге – это тоже было очень больно, и тогда мне казалось, что больнее некуда. Когда я пришла в себя после операции на коленку, мне тоже было очень больно. Но эта боль оказалась в десять раз сильнее всей той боли, что я испытывала раньше вместе взятой. Я просила поставить мне обезболивающее. Фигушки, не положено, – как не положено? Садисты! Я умоляла медсестру, но она была непреклонна, я просила; «Поставьте мне укол, я вам заплачу, завтра мама купит лекарства, только помогите мне, пожалуйста». Бесполезно.

Кричать я, конечно, перестала, нельзя же мешать людям спать, но легче мне от этого не стало. Боль была настолько невыносимой, что у меня было лишь одно желание – умереть, только чтобы это прекратилось, я молила Бога о смерти. Господи, дай мне умереть, я не могу этого вытерпеть, Боже, на кого ты меня оставил! Бог услышал мои молитвы своеобразным образом, я вновь потеряла сознание, провалилась

в небытие, там не было ничего, и боли тоже.

Но эти милые медсёстры явно решили свести меня в могилу. Я очнулась от резкой, невыносимой боли. Две медсестры с силой давят мне на живот. Я ору, они давят ещё сильней. Потом всё прекратилось, и я опять проваливаюсь в спасительное никуда. И снова меня резко вырывает в действительность сильнейшая боль. И так всю ночь. Мне казалось, что между этими экзекуциями перерыв максимум минута, точнее, что меня постоянно мучили, хотя на самом деле, наверняка, промежуток был побольше, может полчаса, может час. Но ведь у меня в небытии время не идёт. Мне всё это казалось одной сплошной нескончаемой пыткой. Чего я им плохого сделала, а?

Вообще, я никого никогда не боялась, раньше, пока не попала в этот роддом. Из животных по духу мне ближе всего медведь, большой и сильный. Довольно миролюбивое животное, если его не трогать, но не зря его все так боятся – лучше не злить. А тут меня сломали, с тех пор я трусиха. Но я отвлеклась от рассказа. Они в очередной раз давят мне на живот и я, разумеется, начинаю отбиваться обеими руками, благо они больше не связаны, хотя из одной торчит капельница, – плевать. А рука у меня тяжёлая, поглажу так поглажу. Судя по всему одной я хорошо врезала. – Она дерётся! – они начинают со мной бороться, как вы думаете кто

победил? Правильно, я. Я отдубасила их обеих. Только тут они догадались поговорить со мной по-хорошему, нет чтобы сразу так. Они мне объяснили, что давят на живот для моей же пользы, чтобы матка скорей сокращалась, и я потеряла как можно меньше крови. Очень садистский метод, причём я уверена, да кого там, я это точно знаю, что можно добиться того же самого результата, даже более лучшего, медикаментозным путём, но этот путь мне был заказан. По полису ОМС таких услуг нет.

Медведь

Медведь. Загадочный зверь. Вдумайтесь в его имя – медведь. Ведает где мёд. В старину на Руси медведя величали Бером, но позже это имя было окончательно забыто. Ибо имя это нельзя было произносить вслух. Мол, позовёшь Бера, Бер и придет. И заломает. Боялись Бера: нет сильнее зверя, нет хитрее зверя, нет умнее. Вот и стали придумывать ему другие прозвища: косолапый, мишка, медведь. Но в других языках: английском (bear), немецком (Bär) имя Бер осталось.

Я безумно завидую медведям. Вот он – Царь зверей. И это верно, среди зверей у мишки врагов нет! Только человек способен лишить медведя жизни и то с ружьем или рогатиной. Мишка при росте от 2 до 3 м весит до 750 кг, а отдельные белые экземпляры даже переваливают за тонну! Бере-

менность у медведиц длится от 6 до 8 месяцев, рожают они зимой в берлоге. Кстати, как раз слово берлога – всё, что нам осталось от бера, логово бера, не медведьлога, а берлога, имя бер забыли, а жилище переименовать не додумались. Новорожденный медвежонок вешает в среднем полкилограмма. У нас бы такой младенец был бы, ну, сильно недоношенным и вряд ли бы вообще выжил. Вот уж кому рожать не больно. Конечно, медвежонок первое время очень беспомощен, слепой. Так что ему в берлоге разглядывать? Медведица родит от одного до пяти медвежат, но это редкость, чаще один-два. Прозревают они через месяц, через два у них прорезываются зубы, и к этому времени медвежата начинают выходить из берлоги, но не ранее чем в 3-месячном возрасте становятся способными следовать за матерью. К весне они становятся ростом с небольшую собаку и, кроме молока, начинают есть зелень, ягоды, насекомых. Иногда вместе с сеголетками (лончаками) держатся прошлогодние звери, так называемые пестуны.

Ну и как вам это? Ребёнок ходит через два месяца после рождения, через три уже ест сам! Можно смело выходить на работу, а ребёнка в садик. Хотя нет, садики – это зло.

***

Это была самая длинная ночь за всю мою жизнь. Она тя-

нулась бесконечно, я дремала, просыпалась, наблюдала. Или меня вытаскивали из моего спасительного ниоткуда зверскими надавливаниями на живот, или мне делали больнючие уколы в бедро и живот, всегда без предупреждений, резко и жестоко. Капает капельница, медсестра меняет бутылку за бутылкой, сколько же они хотят в меня влить? Господи ты Боже мой! Простыня подо мной вся мокрая и холодная от крови, я замёрзла. На мне ничего нет, я абсолютно голая, вместо одеял я накрыта только простыней. Тихо приходит серый рассвет.

Так как мне активно мешали спать (будем называть это странное состояние сном), я решила ненадолго проснуться и оглядеться. Рядом находилась ещё одна кровать, а на ней женщина. Мы познакомились. Звали её Марина. Её, как и меня, прокесарили вчера, только меня вечером, а её утром. Мне до сих пор непонятно, чем они там занимались? Ведь несчастье случилось со мной в обед, а прооперировали меня только в 17.55, определённо со временем происходит что-то странное. Не роддом, а Алиса в Зазеркалье какое-то. У Марины это было плановое платное кесарево. Так вот ей никто на живот не давил, а обезболивающее, наоборот, ставили, и у неё ничегошеньки не болело. Ах, мама, мама, ну почему же ты пожалела на меня денег?

У Марины родилась девочка, это её второй ребёнок, стар-

ший – сын, и она очень хотела девочку. Ей сорок, поэтому она сама попросила операцию. Нет, ей не больно, она всем довольна. Как же тяжело лежать в одной позе, я попыталась повернуться, не выходит – больно. А она может маленько поворачиваться. Эти кушетки такие жёсткие. Из нас торчат трубки. Из Марины одна – это катетер из мочевого канала, трубочка ведёт вниз на пол, там стоит банка с мочой. Из меня тоже торчит подобный катетер, как раз его мне вставляли в операционной, когда я потеряла сознание. Но есть и второй, он держит свой путь прямо из моего живота, а в банке какая-то кровянистая жидкость. Мы с Мариной делимся впечатлениями, тихонько переговариваемся. Наша беседа сама собой затихает, и я проваливаюсь, сами знаете куда – в никуда. Потом опять возвращаюсь, хочется пить, зову медсестру – нельзя. Понятно, бесплатникам даже стакан воды не подадут, Марине пить дают, правда, маленько. А мне только смачивают губы и рот, глотать нельзя. Слишком тяжёлая была операция, это мне объясняют. Ещё бы не тяжёлая, я вон как наелась в обед (курочка, пюре, салатик – объеденье), а Марина за день ничего не ела, поэтому никаких трубок у неё из живота не торчит.

Нам измеряют температуру в сгибе локтевого сустава. Ну и хитрые же они. Приходит санитарка и удаляет катетеры, а потом подмывает нас над уткой. Мне уже на всё наплевать и абсолютно не стыдно, мой дух сломлен и силы покинули

моё тело, хотя, то ещё испытание. Потом смотрят врачи, это я совсем плохо помню, больно дёргают за соски, надавливают, появляется капелька молозива, давят на живот. Начинают бегать люди в белых халатах туда-сюда, что-то говорить. Утро, рабочее утро. Неужели эта ночь кончилась?

Девять утра. Нас с Мариной просят покинуть реанимацию. Приходит медсестра и надевает на меня рубашку. Помогает мне встать. Попробую как можно чётче описать этот момент. Я вся в крови. Она держит меня за руку и тянет вверх. Но я как черепаха или таракан какой, я не могу встать, пресса нет вообще. Только я тяжёленькая, одной ей меня не поднять. Ей помогает другая медсестра, и вдвоём они меня садят. Голова кружится, я сижу минут пять, потом медленно, очень медленно сползаю с кровати, больно, ужасно больно. Я стою у кровати, готовая рухнуть в обморок. Во всём теле предательская слабость. Тошнота. Сестрёнка меня не торопит и поддерживает. Ещё пять минут прошло. Делаем первый шаг, ох, как тяжело. Я пытаюсь выдавить из себя виноватую улыбку. Я не могу стоять прямо, вопросительный знак, одной рукой я держусь за медсестру, другой придерживаю живот, у медсестры в руке моя банка, катетер из живота не удалили. Не торопись. Я медленно ползу. Как старая бабушка, согнувшись в три погибели, шаркающая походка, я волочу ноги, я просто не могу поднять ногу. Это ужасно, но это факт. Как ушла Марина, я не видела, слиш-

ком была занята собой, и чтобы в обморок не грохнуться. Мы останавливались через каждые три шага, голова кружилась. Я доковыляла с медсестрой до лифта (он был за углом в двух шагах) и оказалась опять на первом этаже.

Второе родильное отделение

Меня ведут по уже знакомому коридору и кладут на кровать в коридоре рядом с предродовой палатой и туалетом. Нянька, которая застилала для меня постель, ворчала.

– Вся в крови, ох, уж эта реанимация, и вымыть тебя не могли, совсем распустились, – она обтёрла мои кровавые ноги тряпкой, я легла. Всё. Я лежу. Приносят с третьего этажа мои сумки и пакеты, говорят, что мне ничего нельзя есть, можно только немного попить простой воды без газа. Я лежу, засыпаю, просыпаюсь. Меня бросили и оставили, никто ко мне не подходит, не интересуется, как я. Кричат дети, как они кричат. Где-то там и мой мальчик. Мальчик. Как я хочу прижать тебя к своей груди. Надо бы встать, сходить посмотреть на него. Эта мысль преследует меня весь день, кажется, что мой мальчик зовёт меня. Его вытащили в этот враждебный мир, а мамы рядом нет, мама болеет. Ему страшно, только я могу его успокоить, своей любовью, своим теплом. Не могу. Не могу не то что встать и сходить, не могу даже повернуться на бок. Я так мечтала полежать на животе. Господи, когда я буду спать на животе? Прямо передо мной потолок, высокий, белый, весь в причудливых трещинах, я их разглядываю. Чтобы увидеть коридор нужно повернуть голову, но даже это простое движение кажется сейчас невыполнимым. Ко мне подходит медсестра с запиской от мамы.

Поздравления, муть какая.

– Напиши ответ. – Тут я криво улыбаюсь, я не могу писать.

– Что мне можно есть? – Ничего. Ничего мне нельзя есть.

И прочая сентиментальная чепуха. Ах, мама, мама, почто ты пожалела денег на роды? Сейчас сидела бы рядышком, умыла бы меня, причесала, погладила по голове, успокоила и пожалела. Я была очень обижена на маму, Сашу и всю родню. Как она хочет передо мной теперь выслужиться, поняла, что натворила. Я попросила передать маме на словах, что мне ничего нельзя есть, что можно только пить воду без газа, и попросила отдать маме сумку с продуктами, а то ведь испортятся. Через пять минут медсестра вернулась с пакетом яблок и газводой, я же просила без газа. Я недовольно поморщилась, ладно, проехали.

Слон

Все животные не имеют проблем в родах. Взять хотя бы слона, конечно, слониха носит свое чадо почти два года. Зато слонёнок как родился, так сразу и пошёл, минуя период пелёнок, вполне самостоятельный младенчик. Рост у новорожденного слонёнка около метра, да и весит он под 100 кг, хотя, на фоне гиганта мамаши трёхметрового роста и веса более четырёх тонн он смотрится очень даже маленьким. Новорожденный слонёнок в 40 раз меньше матери, когда человеческий младенец меньше матери всего в 25 раз, чувствуете

разницу?

Ученые установили, что плод слоненка вызревает до 4 месяцев в особой пленке, которая была известна до сих пор только у рыб и лягушек. Это заставляет сделать вывод о том, что прадед слона мог жить в воде. Теперь также стало известно, что через 12 месяцев плод слона полностью созревает, и тем не менее остается ещё на 10 месяцев в лоне матери. Эти десять месяцев идет развитие мозга одного из самых больших в мире млекопитающих.

Хищникам тоже повезло. У них детки хоть и слепые, глухие и беспомощные, зато их сразу много, редко когда кошка родит одного котёнка. Да и период беспомощности совсем мал, прошла пара месяцев, и котёнок уже вовсю резвится, пьёт молоко из блюдца и жуёт кусочки мяса. А у нас женщин как? В полгода сел, в год пошёл – какая радость!

***

За весь день ко мне так никто не подошёл, не то чтобы врач, даже стакан воды никто не подал, а просить у меня не было сил. Большею частью я спала. Спала под крики младенцев и вопли рожениц. Часов в пять одна расторопная нянечка предложила помочь мне встать сходить в туалет в обмен на яблоки, там ещё была шоколадка, короче, в обмен

на продукты. Плевать, я согласилась, в туалет хотелось давно (давали о себе знать капельницы), заодно выторговала у неё стакан воды, меня мучила жажда, всё равно мне есть нельзя, да и неохота. Она, очень довольная, забрала пакет с фруктами и помогла мне встать, я пошаркала в туалет, благо рядом, держа в одной руке неизменную банку, а другой поддерживая обвисший живот. Кое-как раскорячилась, пописала, из меня вывалилось в унитаз что-то тяжёлое, килограмма два, наверно. Глянула, батюшки! Что это? Это что-то занимало весь унитаз и больше всего походило на говяжью печень. Я так и решила: из меня вывалилась печень. Испуганная, я позвала нянечку посмотреть на это чудо.

– Ничего страшного, это сгусточки, просто ты целый день лежала, вот и накопилось так много. Нянечка помогла мне лечь, я была ей очень благодарна за помощь. Этот поход вымотал меня и я провалилась в лечебный сон.

Позже мне принесли записку от Саши.

Алиса, привет – это я, Саша, поправляйся скорей, я без тебя очень скучаю.

Вчера смотрел фотографии. Вечером, когда я проезжал мимо по Рентгена, то я посмотрел в твою сторону, но тогда я ещё ничего не знал, приехал домой. Мне бабушка сказала, что она стала прабабушкой. В общем не волнуйся, всё поправится и будем с тобой ходить в горы.

Целую, Саша

Забегая вперёд я сообщу вам, что моим родственникам нагло врали, что я лежу в реанимации, где, в общем-то, и полагалось мне находиться сутки после операции. Никто не посмел сказать им, что я валяюсь в коридоре, а я сама в тот момент написать записку была просто не в состоянии. Поэтому мой дорогой муж и мама наивно полагали, что я нахожусь под неусыпным присмотром врачей-реаниматологов. О том, что день я пролежала брошенная в коридоре, они узнали лишь на следующий день. Моя мама прилично потратилась на лекарства, точную сумму я назвать не могу (тысячи две), но в то время покупали в больницу всё, включая одноразовые стерильные перчатки, шприцы, капельницы и, разумеется, медикаменты. В роддоме были свои лекарства, но их почему-то не хотели на нас тратить. Мне даже кажется, что заботливые медсёстры неплохо на нас доверчивых зарабатывали. Вот приносит она мне список, что нужно купить, а потом предлагает сбегать в аптеку и купить их сама, только денег ей нужно дать. Через минуту она приходит весьма довольная со всем необходимым, и очень сомневаюсь я, что она не взяла всё это из своего заветного «ушкапчика». Ну да ладно, надо же и им как-то на жизнь зарабатывать, платили медперсоналу тогда неприлично мало.

В девять вечера меня перевели в палату №10.

Палата №10

Нас было пятеро: я, Оля, Наташа, азербайджанка с трудновыговариваемым именем, для простоты мы звали её Шура, и Таня. Я одна была после операции, все остальные родили сами и сегодня, то есть 1 марта. Все они порвались во время родов или их подрезали, всех стимулировали и торопили. И у всех были мальчики, кроме Наташи. Для Наташи и Шуры это были вторые роды. Шура первый раз рожала дома в Азербайджане, а Наташа в роддоме на Цимлянской, сейчас он закрыт на ремонт. Все были возмущены и недовольны, все говорили об одном, что никогда не будут больше рожать здесь, не я одна была обиженная. Мы быстро подружились. И тут я, собственно, узнала много нового. Например, что наше второе родильное отделение называют грязным. Что сюда обычно кладут бомжих, наркоманок и прочий сброд. А на втором этаже в первом родильном рожают все нормальные женщины.

Мы стали выяснять, почему же мы все здесь? Надо сказать, что с соседками мне повезло, все они попали сюда по недоразумению. Шура не стояла на учёте, как и большинство восточных женщин, она ужасно боялась и стыдилась гинекологов, я – из-за неперезданного анализа на хламидии, Ольга – бедная сирота вообще принципиально не сда-

вала платных анализов, у Тани анализы потеряли, а Наташа, не помню, но тоже что-то совсем несерьёзное.

И вот мы лежим и делимся впечатлениями. Наталья очень стыдилась того, что обкакалась во время родов.

– Знаете, девочки, я ведь уже не первый раз рожаю, поэтому я сделала себе клизму, побрилась и поехала в роддом. Да видать плохо сделала, потому как обосрала весь фартук акушерке, мне так неудобно. Я не хотела, правда, оно само вышло, как я стала тужиться.

А мы хохочем, а смеяться больно, во всяком случае мне.

– Ха-ха-ха! Ой, не смеши!

А у Ольги тоже приключился конфуз, её послед вылетел и угодил акушерке прямо в лицо. Бывает.

В тот день я так и не увидела своего мальчика.

Утром пришёл наш врач Лариса Ивановна, мы прозвали её Чайкой, она очень походила на эту птицу, такая же крикливая, наглая и глупая. Она сразу начала нас строить.

– Девочки, не стирать, на подоконник и тумбочку вещей не ставить, полы мойте два раза в день, кварцуйте палату два раза в день. На осмотр приходите с пустым мочевым и т. д.

Уборщицы тогда не было, слишком маленькая зарплата, был один студент, он проработал ровно сутки и сбежал. А мы-то почему должны полы мыть? И почему нельзя стирать? Мы были возмущены, что же нам грязными ходить или

отдавать родственникам стирать наши кровавые плавочки? У Ольги так, по причине нищеты, даже прокладок не было, вместо них она использовала кусочки марли, которые потом стирала и сушила на батарее. Её единственную из нас лечили за счёт государства, ну нет у неё денег на лекарства, сирота и муж у неё сирота, дед и бабка на пенсии, на которую не проживёшь.

Тибет

Мне вообще непонятно, как человечество до сих пор не вымерло? Есть тут какая-то загадка. Роддома появились лишь последние двести лет, до этого рожали как попало: в поле, в бане, в чуме, в дороге, в кустах. Уровень смертности во время родов был высокий, но ведь не вымерли же! Значит не такой уж и высокий, а выживали сильнейшие. Одна моя приятельница рассказывала мне, что в Тибете новорожденного младенца кидают в ледяную реку, и если младенец выплывал, то его доставали, натирали травами, маслом, согревали и отдавали матери, а кто утоп, тот утоп. На тысячу младенцев умирал лишь один, зато у остальных – крепкий иммунитет и великолепное здоровье. А так как это в Тибете практикуется веками, то больных людей там просто нет, все сильные и здоровые, живут до ста лет без инфарктов и инсультов, не страшны им ни загадочный холестерин, ни атопический дерматит.

***

На следующий день мы наконец-то увидели своих детишек. Их принесли нам спящими, туго запеленатыми, как солдатики. Я своего узнала сразу, потому как он был больше всех раза в полтора – 57 см, богатырь. Он спал и улыбался, я пыталась его разбудить на кормёжку, но всё бесполезно. Наташа учила нас, как правильно давать грудь. У Шуры был настоящий джигит, младенец с одной бровью, он жадно схватил мамину грудь и начал активно и шумно сосать. Ольга носилась со своим Димкой, как с куклой. Она была из нас самой молодой, смешливой, задорной и оказалась очень нежной мамочкой. Таня тихонько ворковала в своём углу со своим малышом. Все дети активно ели, а мой спал. Я пробовала его пощекотать за щёки, подёргала за нос, нет, он был явно сыт – на щеке белело пятно засохшего молока. Будить его было жалко. Через час малышей от нас унесли в детскую.

У второго родильного отделения были свои плюсы. Например, дети не лежали с нами в палате, как в первом отделении. Конечно хорошо быть сразу с младенцем, но мне в моём плачевном состоянии было не до ребёнка. Нам приносили детишек только на кормление через каждые три часа, час они были с нами и мы могли вдоволь их потискать и посюсюкать, красота. Вторым плюсом был первый этаж. Ведь

родных к нам не пускали, а так можно было подойти к окну, помахать рукой, показать малыша.

Вот и ко мне на второй день после родов пришли родные. А я белая, измученная, синяки под глазами, еле волочу ноги, подхожу к окну. Вот пришёл деда Женя (Сашин отчим, воспитавший его как родного сына). Я безумно рада его видеть. Он с цветами, показывает мне печенье, шоколадку, йогурт, я отрицательно мотаю головой, мне нельзя, ничего нельзя. Вот пришли довольные мама, папа, сестра. Им повезло, у меня как раз малыш. Я показываю это чудо, они улыбаются. По лицу сестры вижу, что вид у меня неважный. Потом она мне сказала, что выглядела я как смерть.

Принесли записку от Саши.

Алиса, привет. Я пройти к тебе не могу и я уже заколебался ждать врача (напиши его фамилию и И.О.) Если сможешь, позвони в 21:00 и подойди к окошку хоть увидеть тебя.

Целую, Саша

Тоже поглядел на сыночку.

Три дня подряд я питалась исключительно капельницами, я лежала под ними по девять часов. Еще были болючие уколы антибиотиков в попу и самый страшный и болючий укол в живот. Я сама себе напоминала игольницу, не было живого места, все руки и попа в синяках. Тогда ещё не исполь-

зовали катетеры для капельниц и каждый раз кололи новую дырку, а вены у меня плохие, сразу попадает только профессионал, а обычная медсестра раза со второго, а то и с пятого. Один раз был случай, что медсестра, несмотря на все мои мольбы оставить меня в покое, сделала мне аж семь дырок за раз и только тогда прекратила свои тщётные попытки влить в меня дозу. Синяки и шишки на попе не проходили аж пару месяцев.

Абсолютно не понимаю людей добровольно идущих на кесарево, а ведь есть и такие. Мол, чего такого, заснул, проснулся, мучаться рожать не надо, глупцы! А то, что потом пять дней тебя будут колоть антибиотиками, которые попадут в молоко, об этом они не думают. О том, что шрам останется на всю жизнь, полгода нельзя поднимать тяжести и три года нельзя беременеть, они тоже не думают. Нет, кесарево сечение – это страшное зло и делать его надо только в крайнем случае. А мой случай был крайний.

Я узнала от врача, что, оказывается, у меня началась отслойка плаценты. И если бы меня срочно не прокесарили, то вначале бы умер ребёнок, а потом и я. Я должна быть благодарна врачам, что они спасли мне жизнь, но я даже не знаю фамилии врача, что меня оперировала, она ни разу ко мне так и не пришла, не поинтересовалась моим самочувствием, просто сделала свою работу и всё. Поэтому и у меня особой

благодарности в душе нет, чего уж скрывать, но всё равно спасибо, жить так хорошо. Только вот для меня до сих пор загадка, отчего эта отслойка началась? Есть у меня необоснованная уверенность, что это дело рук заведующей, после которой все рожают. Если же нет, то остаётся вопрос, почему тогда на УЗИ эту отслойку не заметили, да и сама заведующая, получается, её проворонила, ведь беда со мной приключилась сразу после осмотра, и часу не прошло. Тогда встаёт вопрос о компетентности этого врача и соответствии занимаемой ею должности. Было у меня острое желание подать на неё в суд, да не стала, слишком хлопотно. Да вроде и чего обижаться, все живы-хоть и не здоровы, а после драки кулаками не машут. Ну да, я опять отвлеклась.

Кололи, значит, в меня все эти антибиотики, вливали физрастворы и глюкозу, и никак не получалось мне дитятко своё кровное покормить. То я лежу под капельницей, то он спит, то он тоже лежит под капельницей, много весу потерял. Страшное дело, мама дорогая, когда я всё это увидела. Лежит мой мальчик, а из головы у него торчит иголка, а он увидел меня и будто узнал, улыбнулся, смотрит так внимательно, сердце кровью обливается от такого зрелища. Это им новорожденным так капельницы ставят, венки то маленькие, а на голове побольше, у них и кровь на анализ из головы берут, изверги.

Я по-прежнему ходила с баночкой и с трубкой в животе. Нет, я не ходила, я шаркала согнувшись вдвое, поддерживая рукой живот. Медсестры звали меня за эту шаркающую походку лыжницей: «Вон, глядь, лыжница пошла», – и смеялись. Я не обижалась. Если я ещё могу смешить людей, значит всё не так плохо.

Встать с кровати мне было очень трудно, иногда помогали девчонки по палате. Мне до сих пор непонятно, почему не сделать упор для нас послеоперационных, какую-нибудь ручку на стене, например, чтобы мы могли легче вставать?

Никому до наших бед дела нет, дела нет.

По утрам мы ходили на процедуры в физиокабинет, это было приятно, самая приятная вещь в роддоме.

Пауки

Хорошо, что люди не размножаются как пауки. Вот кому не повезло, так не повезло. Вы, наверняка, знаете, что пауки это не насекомые. Пауки – это пауки. Их ближайшие родственники – это осьминоги, скорпионы и клещи. От насекомых они отличаются не только количеством ног, – у пауков их восемь, когда у насекомых шесть, – а также количеством глаз, – у пауков их опять-таки восемь (вообще от шести до двенадцати у разных видов), – но и отсутствием усиков, когда у насекомых усики есть. А ещё паук из яйца вы-

лупляется сразу пауком, хоть и маленьким, в отличие от насекомых с полным превращением, или гемометаморфозом. Помните же, вначале яйцо, потом личинка, куколка, потом комар. Ну, или вначале яйцо, потом гусеница, потом кокон, потом бабочка. Та ещё загадка природы, как из такой несимпатичной зелёной гусеницы получается такая красивая и нежная бабочка? Но, что-то я опять отвлеклась. Вернёмся к нашим паукам. Все знают, что кусают нас не комары, а самки комаров. Женщины они везде кровожадные. У пауков то же самое. Паутину-сеть плетут исключительно дамы, пауки-самцы в несколько раз меньше своих возлюбленных, дома не имеют, хотя и имеют паутинные железы, питаются чем попало. Так вот, паучиха при встрече с самцом-пауком тут же пытается его съесть, ну аппетит у неё зверский – есть хочет всегда. А паук хочет любви, поэтому он приносит паучихе в подарок какую-нибудь муху, завернутую в паутину, поешь, дорогая. Пока она будет разматывать подарок, он успеет её обрюхатить, причем хитрый и ленивый паук часто дарит пустышку, упаковка есть, а подарка нет. Коварство мужчин не знает границ, и на подарке сэкономил и бабу поимел. Но те порядочные пауки, которые не экономят на подарках, исполняют завораживающий танец, паучиха после обеда непрочь поглядеть на представление, впадает в транс, паук тем временем её связывает паутиной и насилует. Хотя это и сложно назвать насилием, разве наших насильников потом съедает жертва? Это скорее мера предосторож-

ности от чересчур прожорливой подруги. Паучиха же вскоре освобождается от пут, если любовник не успел убежать, она его тут же – ам и съедает, видимо после любовных утех она опять проголодалась. Но иногда самцу всё же удаётся скрыться, да только живёт он всё равно недолго, паутину он плести не умеет – умрёт с голоду, его миссия на земле уже выполнена. Так что же добру пропадать, пусть уж его лучше любимая съест. У меня на эту тему даже есть небольшое стихотворение.

О паучиха, замыслы твои в момент плетенья паутины
Мне кажутся невинны, и чисты твои намеренья,
Но не дела, калины-ягоды окутав тонкий стан
Ты прячешься в тени листа резного
И ешь поклонника искусства своего,
Как раньше съела мужа ты родного.

Вот так вот оптимистично обстоит любовное дело у пауков. Но это ещё не всё. На зиму паучиха зарывается в землю, закрывая собственной попой вход. Зимой вылупляются паучата и питаются телом собственной матери, за зиму они несколько раз меняют свой хитиновый покров, сбрасывая ставшую малой шкурку, а весной разлетаются на своих паутинках кто куда.

Если бы люди размножались как пауки, то они бы уже давно вымерли. Мужчины бы отказывались вступать в связь

с женщиной, – кому охота быть съеденным, лучше уж мастурбация, а женщины в свою очередь отказывались бы рожать, по той же самой причине.

А вы знаете, как едят пауки?

Когда жертва попадает в паутину, паучиха первым делом связывает её покрепче, если это муха или ещё какая слабая козявка. Если же это большой и грозный майский жук, то, она, наоборот, помогает ему выпутаться, – Извините, извините, мы не на вас охотились, – всё равно вырвется, да всю паутину ей порвёт, чини потом на голодный желудок. Связывает, значит, она жертву покрепче, а потом прокусывает ей хитиновый покров и впрыскивает яд, который обездвиживает и убивает жертву, потом выпрыскивает желудочный сок и оставляет блюдо томиться на медленном огне до готовности. Это я так образно выражаюсь, но суть такова, что муха готовится в собственном соку и собственном панцире, её хитиновый покров выполняет роль кастрюльки. Когда мясо окончательно растворится в желудочном соке, паучиха просто выпивает содержимое через дырочку, а в паутине остаётся висеть пустая оболочка от мухи.

***

Я завидовала девчонкам, что они могут спать на животе, а они мне, что я могу кормить сидя, что я вообще могу си-

деть, им можно только стоять или лежать, все мы тут обиженные да покалеченные. Но жизнь налаживалась. Мы много смеялись, сейчас уж и не помню над чем, но в основном над собой. Заводилой была озорница Ольга, когда детишки в детской поднимали ор, она говорила: «О! опять хор имени Пятницкого поёт!».

Странное дело, каждая из нас могла точно определить по голосу своего малыша, вот он – материнский инстинкт. По утрам мы пили кофе с шоколадкой и плевать нам было на диету, радостей в жизни не так много. Мы были очень дружны, помогали друг другу, делились гостинцами, постоянно болтали и хохотали, от чего мой живот всё время болел.

Наконец я смогла покормить своего сыночку, наконец наш режим совпал. Он голоден, а я не под капельницей. Я дала ему грудь, получилось далеко не сразу, но под чутким руководством опытной Наташи у нас это получилось. Малыш жадно сосёт, а у меня внутри живота какие-то странные, схваткообразные болезненные и одновременно приятные ощущения – это рефлекторно сокращается матка. Так уж мудро придумано природой – кормишь малыша грудью и матка постепенно приходит в норму. Малыш сыт, но не торопится отпускать грудь. Так мы с ним и просидели в обнимку целый час, пока не пришла нянечка и не забрала детей.

Но я была несправедлива к медперсоналу. Не все они были сволочи. Была одна очень добрая, душевная, старенькая медсестра Екатерина Васильевна. Она всегда меня жалела, уколы ставила совсем не больно, даже в живот, в вену всегда попадала с первого раза. Она разрешала мне по вечерам звонить со служебного телефона, главное, чтобы никто не видел. Ведь для меня поход на второй этаж был поистине геройством, а у телефона была всегда очередь (ведь он один на весь роддом), долго стоять я не могла, да и холодно в коридоре, уступать мне, разумеется, никто не собирался, поэтому завидев очередь, я возвращалась в палату ни с чем. А поговорить с любимым, ой, как хотелось.

И вот как-то вечером Екатерина Васильевна вытащила из меня эту чёртову трубку из живота, мол, лекарства в неё не назначают, что ты, деточка, будешь мучиться, давай-ка я её уберу. Врач про неё просто забыл. И мне сразу стало легко, оказывается, это она доставляла мне ту жуткую боль при каждом движении, да это и неудивительно, в моём животе находилось метра два этой мерзости. Я, наконец, могла стоять прямо. Я очень благодарна этой пожилой женщине за её материнскую заботу и доброе сердце.

Как-то в коридоре я встретила Жанну, девчонку с которой я лежала в патологии, она родила мальчика, родила удачно, даже не порвалась, но полна впечатлений, не самых прият-

ных, больше рожать не будет, ни за что! Про вторую Жанну она мне тоже рассказала, ту всё-таки прокесарили, через два дня после меня, она лежит в первом отделении на втором этаже. Как же мне её жалко, как ей ставят капельницы? У неё же уже тогда вен не было, одни синяки.

Доктор Лариса была непостоянна в своих высказываниях. Как-то утром она заявила, чтобы мы перед осмотром напились воды, потому как пойдём на УЗИ, но потом напомнила, чтобы мы не забыли пописать. В общем было непонятно, как себя вести? За что мы дружно получили нагоняй, одни, за то что не напились, другие за то, что не пописали.

Насчёт пописать. В нашем отделении было два туалета. Один нормальный рядом с предродовой, а второй с душем и биде в приёмной, который даже не закрывался, а так как он был ещё и проходным двором, там туда-сюда бегали медсёстры и врачи. Нормальный туалет предназначался для врачей и для тех кто рожает. Нас оттуда гоняли. Нам полагалось писать, какать и подмываться у всех на виду. Это было тонким и изощрённым издевательством. Поэтому я предпочитала с трудом подниматься на третий этаж в патологию и совершать туалет именно там, в нормальных условиях и с закрытой дверью. Однако не всё так просто. Первые три дня мне каждый вечер делали клизму. Я с радостью ожидала этой процедуры, после операции на брюшную полость как-то осо-

бенно остро чувствуешь все бурления в животе, к тому же какать полагалось каждый день, а тужиться нельзя. Но делалось-то всё это в проходном дворе, да, в роддоме у меня начисто отбили всякий стыд, всё что естественно – небезобразно. Я сижу на унитазе с довольной рожей и очень шумно сру (пардон, совершаю акт дефекации) и испытываю при этом самое что ни на есть неземное блаженство, а мимо бегает молодой замученный медбратик с вёдрами и делает вид, что меня не замечает, плевать, в том нет моей вины.

На пятый день мы организованной толпой пошли в смотровую. Нас смотрела заведующая отделением. Это было нечто. Стоя в очереди я повстречала всю заплаканную Юлю, она лежала тоже на первом этаже, только в правом крыле, там было отделение недоношенных. Она рыдала из-за того, что её малыш возможно умрёт, ей его не отдают и не выписывают, он весь напрочь больной, печень разваливается, порок сердца – целый букет заболеваний. Не жилец он на этом свете! А всё потому, что она курила во время беременности. Я не могла её успокоить, хотя ясно, что дело не столько в её курении, сколько в питании, точнее его отсутствии. Но тем не менее лучше бы ей, такой молодой, не курить. Мне было безумно жалко эту шестнадцатилетнюю девчонку, так рано хлебнувшую горе, сама сирота, она и в мыслях не допускала отказаться от этого ребёнка. Сомневаюсь, чтобы он выжил, чтобы отобрать у смерти подобное дитя нужно иметь

много денег и большое везение. А с другой стороны, выживает сильнейший, но легко говорить, если тебя лично это не касается. Мой ребёнок был здоров, почти, ему сделали УЗИ и сказали, что возможно у него энцефалопатия и через месяц УЗИ необходимо повторить, а пока прописали месяц пропить каментон. УЗИ было платное, но на детей мы денег не жалеем.

Про это стоит рассказать отдельно. УЗИ. Я приношу своего малыша, распелёнываю его. До этого я ни разу не видела его целиком, разве можно назвать тугоспелёнутый солдатиком свёрток младенцем? Одни щёки. А тут у меня наконец появилась возможность его разглядеть. Это чудо мой сын! Голова покрыта тонкими, светлыми, нежными волосиками. Маленькие, худенькие ручки и ножки, нежные пальчики, ноготочки, всё как у меня, только гораздо меньше. С рук и ног облазит кожа, мой сынишка весь шелушится. На одной ножке чуть заметное родимое пятнышко и ни одной родинки! На ручке бирочка с номером палаты, фамилией и датой рождения. А какой он всё же большой, до сих пор для меня загадка, как он помещался у меня в животе? Когда моего сынишку начинают смотреть по УЗИ, он недовольно захныкал. Постепенно крик перешёл в дикий истошный ор.

– Голодный? – спрашивает доктор и сама себе отвечает, – нет, желудок полный, странно.

А чего тут странного, спал себе малец, а тут разбудили,

ворочают как попало, он уже бился в истерике, и я боялась, что он выскользнет из моих рук и ударится, ведь я первый раз держала его голенького. Но осмотр закончился, я его кое-как запеленала, сунула титьку, он ещё пару раз обиженно всхлипнул, зачмокал, успокоился, объелся молока, срыгнул и заснул.

Возвращаюсь к осмотру, тем более что как раз подошла моя очередь. Я очень боялась. Я вообще боюсь кресла, а тут ещё все девчонки выходили заплаканные. Заведующая была красивой, стройной и жестокой женщиной лет сорока. Она следила за собой: дорогая косметика, холёные руки, стройная фигура, но взгляд надменный, холодный, презрительный. В своём сером строгом костюме она напоминала мне эсэсовку (непонятно почему, но она была без халата). Именно такими представляла я себе женщин гестапо. Она жестом указала мне на кресло. Надо ли говорить, что я с трудом, кряхтя на него взбиралась. Мне очень сложно было развернуться, но самое сложное лечь, не забывайте про операцию, шов был ещё совсем свежим. Думаете, мне кто-нибудь помог? Как же! Даже наоборот. Заведующая сказала раздраженно: «Давай побыстрей, чего возишься, жирная корова!». Она стала меня смотреть, было очень больно и я расплакалась, прямо там на кресле, от боли и унижения. Она была резкой и грубой, она не утешала меня, нет, наоборот стала ещё больше ругать, мол, какая нежная, и чего это я такая

жирная, как свинья и прочие гадости. Типа я сейчас строю из себя недотрогу, а как ребёнка делала? Я для неё чуть ли не проститутка. Садистка. В слезах я вернулась в палату, Таня тоже рыдала у себя в углу. Шура, увидев нас в таком состоянии, наотрез отказалась идти на осмотр и правильно сделала.

Нас готовили к выписке. Таня рыдала, потому что её отправляют в больницу, начался воспалительный процесс, чего-то они там понапортачили, ребёнка оставляют здесь.

– Он будет искусственник, – рыдала она, – я никуда не поеду.

А вечером её увезли с температурой под сорок.

Пришла Лариса и заявила Шуре, что пока она её не посмотрит, её не выпишут. Лариса вообще не любила Шуру, всегда при виде её ворчала: «Понаехали тут. Езжайте к себе назад, чурки проклятые». Но при чём здесь Шура мне непонятно, ведь она просто приехала с мужем, да и если наше правительство разрешает им здесь жить и работать, то почему она-то ворчит? Но Шура наотрез отказалась лезть на кресло, как я её понимаю.

Вечером я наябедничала Саше по телефону. Рассказала, как меня смотрела заведующая, как обзывала, опять расплакалась – я такая чувствительная. Шура тоже пожаловалась

своему супругу на вредную и противную Чайку.

На следующий день нашу Ларису было не узнать. Вероятно, Шурин муж, как настоящий восточный мужчина, подарил Чайке дорогой коньяк и букет цветов или дал денег. Жену он держал в неведении, да это и неважно, что он сделал, только Лариса совсем изменилась, говорила с Шурой очень ласково и вежливо, на кресло уже не гнала и выписала домой так, без осмотра, а про чурок так и вообще больше не заикалась.

Ко мне отношение тоже резко изменилось в лучшую сторону, чего это я раньше мужу не пожаловалась? Мой муж может быть очень страшным, я всегда считала, что приручила зверя, иногда я его и сама боюсь, я-то знаю, как он может смотреть и говорить. Нет, он не угрожает, есть что-то невидимое, но вполне осязаемое. Он пытался вызвать на беседу заведующую, но она предпочла не выходить, а бедной Ларисе было не отвертеться, как-никак лечащий врач. Он прямо спросил, почему его жену оскорбляют, унижают и делают ей больно? На что Лариса испуганно пролепетала: «Да что вы, никто вашу жену не обижал, просто женщины после родов такие ранимые» и прочую чепуху. Ну что она могла сказать? Да оскорбляем, нам это нравится, мы извращенцы и женоненавистники, поэтому и работаем здесь за нищенскую зарплату? Только после этого разговора она стала со мной тоже

добрая и ласковая. С остальными по-прежнему хамила, те мужьям не жаловались, не довелось.

Но мне не отвертеться-таки от ещё одного похода в смотровую, мой муж взяток не давал, а зря. И надо же, о чудо! Ласковая Лариса смотрит меня совсем небольно, ведь может, когда захочет. Говорит со мной нежно и осторожно, как с душевнобольной: «Алиса, не бойся, смотри, я беру маленькое зеркало для нерожавших». Вот сволочи, значит, тогда они запихали в меня большое зеркало, как будто я родила? Да я даже в родах не была, мои родовые пути девственно малы – точно садюги! Им бы в тюряге бандитов да шпионов пытать, а не роды принимать. И что же их там всегда так очень интересует? И ведь друг другу не доверяют, вроде бы коллеги, нет, нужно самой посмотреть, убедиться. Но я же не музейный экспонат, чтобы на меня смотрели все кому не лень.

Наконец-то выписывают, ура! Вся палата в восторге, нас выписали в один день. В один день легли, в один день уезжаем домой, седьмого марта, как раз к празднику. Омрачает только история с Таней, не повезло девчонке. Но о плохом думать не хочется, да и помочь мы ей ничем не можем, а жаль.

Так охота домой, что тут же прощаешь все обиды и унижения. Немного страшно, а как же я буду пеленать, купать,

кормить, хватит ли молока? Тут-то хорошо, за нас всё это делала нянечка. Шура и Наташа в себе уверены, они опытные, обе скучают по своим первым детям. Мы лежим на кроватях в нетерпении и мечтаем. Я сначала схожу в душ, ванну пока ещё принимать нельзя. Так охота нормально помыться, а не в этом стриптизном душе, где все на тебя пялятся, кому не лень. Совсем забыла сказать ещё одну неприятную особенность нашего второго родильного отделения, а тут вдруг вспомнила. У нас на окнах не было штор – ещё один способ унижения. На втором этаже шторы были, на третьем были, а у нас не было. И вот какие-то любопытные мужики, охотники до бесплатных удовольствий, нагло за нами подглядывали с крыш сараев, очень приятно, когда на тебя пялятся. Ну да ладно. Итак. Домой, какое счастье! Никаких уколов, никаких капельниц, никаких кресел. Нет, дома кресло есть, но совсем безобидное. Да, трудности будут, бессонные ночи, но это всё пустяки, приятные хлопоты.

Заботливая Наташа давала нам уроки пеленания и правила обращения с младенцем. А ещё она дала один хороший совет: «Умоляю вас, девочки, пользуйтесь хотя бы первый месяц по ночам памперсами (в смысле ребёнку надевайте), будете спать по ночам». Как она была права, хорошая девчонка, интересно где она сейчас, как живёт? Но я опять отвлеклась. Лежим, мечтаем. На чём я остановилась? Ах да, душ, потом я выпью чашечку кофе, не этой растворимой га-

дости, её только в больнице и можно пить, а настоящего молотого кофе с мороженым и кусочком горького шоколада. Потом я позвоню друзьям и подругам, хотя скорее это они мне будут звонить и поздравлять. Потом я разверну малыша.

Так, а как же мне назвать моего мальчика. Я девять месяцев придумывала имя девочке, а тут мальчик. У всех дети с именами. Я смотрю на личико своего спящего сына, разглядываю и думаю. На кого же ты похож? А похож он на актёра Яковлева из фильма «Ирония судьбы или с лёгким паром», Ипполит, имя само соскочило с языка. Это судьба, я уже семь дней придумывала имя сыну, как только он родился. На ночной рубашке в районе живота у меня красуется буква «И», это после укола в живот пролитая кровь приняла причудливую форму буквы. И Наташа мне сказала, что ребёнка я должна назвать на букву «И»: Игорь, Иван, Иосиф, Ирод, Игнат, Илларион, Икар, всё было не то, а Ипполит ему очень подходит. Детей забирают после кормления, и я в нетерпении бегу (ползу) звонить Саше на работу.

– Я придумала имя, наш сын вылитый Ипполит. – На том конце провода молчание. Саша переваривает, идея ему совсем не нравится.

– А как мы будем звать его ласково? Иппа?

– Почему? Мы будем уменьшительно звать его Поль, красиво.

– Ладно, дома поговорим, во сколько тебя выписывают?

– В три.
– Целую, пока.

Я не могу сидеть на месте, в воздухе витает преддверие праздника, я люблю весь мир, я готова плясать как стояк, так и коровяк. Я в возбуждении и не могу сидеть в бездействии, собираю вещи, сдаю постель. Время тянется, ещё три часа до выписки, обедаем. Жаль расставаться с девчонками, мы так сдружились, чисто теоретически мы договариваемся, когда наши дети подрастут, встретиться, но в глубине души мы знаем, что это никогда не произойдёт, разве что случайно. А по радио идет передача про Австралию.

Австралия

Удивительный континент Австралия! Великая родина сумчатых. Там есть не только знаменитые сумчатые кенгуру, но и сумчатый волк, сумчатый дьявол, есть даже сумчатая куница, сумчатая летяга, сумчатый медведь – коала, сумчатый крот и сумчатый кролик бандикут (они там почти все сумчатые – мода такая), а вот сумчатого человека там почему-то нет – какая несправедливость.

А вот если бы люди рожали как кенгуру. Это моя мечта. Как хороша симпатичная и вместительная сумочка на животе. Как удобно, небольшая кожаная складка, в которую мож-

но сложить и кошелёк, и косметику, и ключи от дома, и записную книжку, и документы, и мобильный телефон – да чего только туда не положишь, даже ребёнка. Беда для карманников, у женщин нельзя больше своровать ничего ценного, кожа очень чувствительна, и любые попытки незаметно залезть в эту сумку заканчиваются неудачей. Только, вот незадача, если в сумке завёлся малыш, придётся на время переместить свою косметичку в обычную дамскую сумочку, детям чистота нужна. Мужчины завидуют, мужчины очень завидуют, ах, почему и у них нет такой сумочки? Хотя бы как рудимента, ведь есть соски, а молока нет, так и была бы сумка, пусть и без ребёнка. Ну почему люди не похожи на кенгуру? Кстати, а знаете ли вы, как рожают кенгуру? Нет? Этого на самом деле толком никто не знает, кроме самих кенгуру конечно. Но кое-что об этом уже известно.

Беременность у кенгуру длится чуть больше месяца. Ребёнок у кенгуру рождается меньше двух сантиметров, а весит около грамма, это даже ещё не ребёнок, так, слепой и голый эмбрион с неразвитыми задними лапками, на передних конечностях уже имеются острые коготки, при помощи которых он и забирается, цепляясь за шерсть, в сумку. Мамаша за пару часов до родов тщательно вылизывает и чистит сумку, а также вылизывает у себя на животе узенькую полоску шерсти – то ли намечает дорожку для младенца, то ли очищает шкурку, вроде бы стерилизует ее. Детёныш отыски-

вает (руководствуясь, скорее, запахом, так как у него в это время уже хорошо развиты ноздри и вполне сформировавшийся обонятельный центр в мозгу) один из четырех сосков и повисает на нем. Сосок разбухает, заклинивает ротик, так что малыш с этого момента надежно укрепился в сумке. Сокращая особые мышцы, мать впрыскивает ему в рот молоко. Вот здесь и происходит его дальнейшее развитие, ещё целых восемь месяцев. Постепенно он все менее становится связанным с организмом матери и начинает самостоятельную жизнь. В год кенгуренок начинает сам добывать себе растительную пищу. Когда подросший кенгуренок покидает сумку, сразу появляется новый малыш.

Механизм деторождения у кенгуру удивительный. Оказывается, вскоре после появления на свет детеныша в чреве матери зарождается другой (есть мнение, что кенгуру оплодотворяется один раз и на всю жизнь, но это лишь гипотеза). Развившись до определенной стадии, он как бы «замирает», перестает расти и в таком состоянии находится до тех пор, пока не освобождается сумка. А произойдет это тогда, когда находящийся в сумке детеныш либо подрастает и покидает сумку, либо погибает. Пустая сумка – сигнал «замершему» зародышу, который, получив «сигнал», начинает быстро развиваться и очень скоро оказывается в сумке.

Нам людям это не очень-то подходит, я имею в виду,

навряд ли женщины согласятся быть всегда беременными, но во всём остальном мне кажется это наилучший способ вынашивания младенцев. Не надо никаких УЗИ, заглянул в сумку и узнал, правильно ли развивается младенец. Никаких обвитий пуповин, никаких тазовых прилежаний, а главное, никаких абортов! Хотя, минуточку, стоп, стоп. У меня возникла идея! Действительно никаких абортов! Пока сумка занята, ребёнок не появится. А это значит, что предохраняться будет очень даже легко, носи косметичку в сумке и не забеременеешь, нет, конечно, ты уже беременна, но зародыш-то спит. А как захотел ребёночка, будь добра на недельку другую освободи сумочку от всего постороннего, и там обязательно заведётся малыш. Гениально! Вот оно – настоящее планирование родов! Косметичка вместо презерватива и фарматекса! Ура! Осталось совсем немного – обзавестись сумкой, как у кенгуру.

Моя фантазия уносит меня в будущее. Сейчас делается много открытий в области генной инженерии. Я вижу в будущем специальные Ген-салоны, где за умеренную плату можно изменить свои гены и отрастить себе шерсть, как у медведя или крылья, как у бабочки. Я бы выбрала себе шубку, как у ньюфаундленда. Этакая природная одежда-термос – зимой не холодно, летом не жарко, конечно у белого медведя тоже шубка ничего себе, но вот только больно она маркая, лучше уж стильный костюмчик от панды. Насколько бы облегчи-

лась моя жизнь! Именно облегчилась, иду я в поход на Шумак и не надо мне брать с собой не палатки, ни спальника, ни одежды. Не нужно будет больше ходить по магазинам в поисках недорогой и удобной одёжки, нечего будет стирать, не надо покупать стирального порошка, не нужно зонтов. Шерсть ньюфа не промокает, попал под дождь, отряхнулся и пошёл дальше. Красота! А какой-нибудь франт закажет себе пингвинье оперение – всегда при параде, во фраке, красиво и удобно, тоже непромокающий костюмчик. Вы где-нибудь видели водостойкий фрак, а? Это будет настоящая революция. Фабрики по пошиву одежды разорены, товар сбывают за бесценок, полный крах. Конечно, человек не может без одежды совсем, но теперь это будет одежда-украшение и не более. Бомжи будут собирать милостыню на поход в генный салон, прибавить себе черепашьих или улиточных генов, чтобы дом был всегда с собой. Причём черепаший панцирь будет более удобный и прочный, а улиточный более гламурный, весь такой перламутровый, полупрозрачный. Можно, конечно, добавить и того и другого, тогда будет прочный черепаший панцирь с перламутровым оттенком, но стоить это будет в два раза дороже. В моде будут женщины-рыбы – русалки и хрупкие юноши-птицы с томным взглядом. Появятся люди-пауки, имеющие, наподобие индийских божеств, восемь рук, а также прочный хитиновый панцирь и способность плести паутину. Появятся люди-кони, кентавры, эти будут служить в милиции или армии. Но,

что-то я размечталась.

***

Лариса опять приглашает меня в смотровую. Ну чего она ко мне прицепилась? Чего ей ещё от меня надо? Соскучилась по моей п…? Нет, слава Богу, нет. Она просто хочет снять мне шов, а я на радостях о нём и забыла. Она вынимает нитку, это совсем не больно, только чуть-чуть щекотно, обрабатывает мне шов раствором марганцовки. Я свободна, всё хорошо, Ура, ура. Ещё она сказала мне, что полгода я не должна поднимать тяжести, не больше трёх килограмм, ха-ха, а мальчик-то уже весит 4200, и что мне его на руки не брать? Насмешила.

Дальше хлопоты: тут дали справку, там дали справку, мама принесла новенький комплект белья для малыша, да забыла туда памперс положить, я отправляю свои вещи к родителям. Ну и обжилась я тут, три полных пакета абсолютно необходимых вещей. Осталось получить последнюю справку и можно забирать из раздевалки одежду и домой. Заходит торжественная Лариса со справками, поздравляет нас с выпиской и приглашает нас за ещё одним ребёнком к ним в роддом, теперь за девочкой, на мне она акцентирует внимание, меня она ждёт через три года, раньше мне рожать нельзя. Она что издевается над нами? Да мы в этот роддом больше

ни ногой, куда угодно, только не сюда. Но вслух мы говорим спасибо, мы ещё пока пленники, надо вести себя благоразумно, вдруг передумают и оставят здесь на праздники в наказание за плохое поведение. Дальше суета, обнимания, целования и нетерпение. Каждый летит к себе домой забыв обо всех и вся. Но летим мы вначале в раздевалку. Штанишки на мне висят, в роддоме я сильно поисхудала.

Мама стоит с цветами и коробкой конфет. Цветы мне, конфеты нянечке, которая выносит расфуфыренного малыша, благо он мирно спит. Мама узнала эту нянечку. Оказывается, именно она 25 лет назад ухаживала за мной в роддоме, только тогда она была молоденькой девчушкой (я тоже сильно с тех пор изменилась), а сейчас она уже довольно преклонного возраста, как-никак 25 лет прошло.

За мамой стоят сестра, папа и муж. Свекровь ко мне так ни разу и не приехала. А я её ждала, думала, хоть на выписку приедет. Мама меня успокаивала, В. П. плохо себя чувствует, на улице холодно. Враньё, всё вранье, к Саше на марафон лыжный она ездила в воскресенье и там ей было не холодно. Просто не хотела приезжать, потому и не приезжала, странная она женщина. Я её, конечно, не сужу, но не понимаю – первый внук и проявлять такое равнодушие, ладно она меня, может, не любит, но это-то её родной внук, кровиночка. Забудем. Не время сейчас предаваться мелочным обидам. Хо-

рошо-то как! Всё происшедшее кажется страшным кошмаром, чудовищным сном. А на улице весна. Так хочется погулять, подышать свежим воздухом. В роддоме окна были заколочены, видать, чтобы мы не сбежали, поэтому свежего воздуха мы неделю не нюхали. Солнышко ласково греет, всё сияет, лужи, в них отражается солнце, деревья, щебечут птицы. Идём к машине. Родные кажутся чужими. Определённо со мной чего-то не то, за эту неделю я сильно изменилась. Мама тараторит глупости, я угрюмо молчу. Благо сестра участливо не вмешивается, мысленно говорю ей спасибо. На Сашу у меня обида, обида за то, что пожалел денег на платные роды, за то, что имя не понравилось, я обвиняю (мысленно) его и маму в том кошмаре, что со мной произошёл, они тоже чувствуют себя виноватыми. Конечно, сейчас я понимаю, что никто мне ничего не должен, ни мама, ни Саша. Я должна была сама решать свои проблемы, копить деньги, не летать в Москву, как-никак девочка большая, самостоятельная. Если бы сильно захотела рожать платно, то требуемую сумму набрала бы, заняла бы, в конце концов. Но понимаешь всё это немного позже. Мы едем домой, это радует, это очень радует. Да, я не в себе, я уже не та. Как мы будем жить дальше?

А впереди меня ждёт масса интересного. Это и ночные бдения, и груда обосанных пелёнок, и кишечные колики, и непроходимость слёзного канальца – перечислять можно

долго. Но это уже другая история. А будущим мамочкам я настоятельно советую приобрести книгу врача педиатра Евгения Комаровского «Здоровье ребёнка и здравый смысл его родственников», название не совсем красивое, зато точно отображает суть книги. Эта книга была моей библией, да что была, она и сейчас ею остаётся, когда у меня возникают какие-то вопросы насчёт здоровья моих детей, я первым делом ищу ответы на её страницах и в большинстве случаев нахожу.

Но это всё ещё меня только ждёт. А пока я дома, я, наконец, дома. Здравствуй, дом, знакомься, это Ипполит. Ипполит – это дом.

Только вот Ипполит через месяц стал Бернардом, муж был категорически против Ипполита, а Бернард в переводе с немецкого означает «сильный как медведь», а медведей я люблю.

Спустя полтора года

В октябре 2002 года Наташа заранее легла в роддом на Рентгена, она, как и я, перенашивала. Эта была молодая женщина двадцати восьми лет от роду, дома осталась четырехлетняя дочь. Ничто не предвещало беды. Ее состояние было в норме, но ребенок был переношенный. Врачи не посчитали нужным сделать будущей маме полное обследование и диагностику. Ночью, когда у Наташи начались схватки, дежурной медсестры не оказалось на посту. Женщина не могла найти ее больше 4 часов.

В родильный зал Наташу перевели, когда схватки были с интервалом в 2—3 минуты. Один из дежурных врачей вскрыл плодный пузырь и обнаружил в околоплодных водах примесь крови. Поставив диагноз «полная отслойка нормально расположенной плаценты», он принял решение делать кесарево сечение. Диагноз врача оказался неправильным, хотя решение об операции было верным. Но другой врач из дежурной смены решила иначе: «Женщина должна родить сама».

Наташа действительно родила сама, но ребенок был уже мертвым, а у женщины началось кровотечение. Одномоментно она потеряла 1,5 литра крови! Возьмите полуто-

ралитровую бутылку из-под минералки и представьте, что в ней кровь – впечатляет?! Я, наверно, потеряла столько же, стоя у раковины в палате патологии, но мне повезло больше, со мной это случилось днём, и меня сразу же прооперировали. И тут врач совершила очередные ошибки – провела ручное обследование полости матки, но не заметила ее разрыв (или не хотела заметить?) и стала зашивать разорванную шейку матки.

Рядом, в тазике, в луже крови медленно остывало посиневшее тельце, неестественно закинутые ручки и ножки, большая голова, закрытые глазки, полуоткрытый ротик. Такой маленький и беззащитный, никому не нужный маленький человечек, мёртвый человечек.

Шейку матки зашили, но снова было потеряно драгоценное время, а кровотечение так и не остановилось. Позже врачи все-таки определили настоящую причину кровотечения. Чтобы спасти жизнь женщины, требовалось срочно удалить ей матку, но ни один из дежуривших в ту ночь врачей не обладал правом провести такую операцию.

Между тем состояние Наташи ухудшалось с каждой минутой – кровотечение не останавливалось, артериальное давление падало. Срочно требовалась кровь для переливания, но запаса крови в роддоме не было. Одному из дежурных

врачей пришлось заниматься несвойственной ему работой – ехать на станцию переливания.

Матку Наташе все-таки удалили. Случайно выяснилось, что в роддоме находилась врач, которая выполняла такие операции. Она спала в своем кабинете, но никто из ее коллег не знал об этом.

Во время операции врач допустила технические ошибки – повредила крупные сосуды, что привело к еще большей потере крови.

Наташа лежит в реанимации и истекает кровью, испытывая адские муки, уж я то знаю. Родственникам врачи ничего объяснять не стали. Единственное, что удалось узнать её брату, – ребенок родился мертвым, а Наташе срочно требуется донорская кровь. На станцию переливания поехали все родственники, друзья и знакомые.

Прошли еще одни сутки. С каждым часом Наташе становилось все хуже. Доктора твердили: «Женщина в тяжелом состоянии, но надейтесь на лучшее». Наташа лежала в реанимации. Она была в коме, лежала вся холодная.

23 октября Наташи не стало. Ей было всего 28 лет. Меньше чем через год от сердечного приступа умер отец Натальи, а мать стала вся седая.

Материалы служебного расследования были переданы в прокуратуру Кировского района, которая возбудила уголовное дело о профессиональной деятельности врача. Вероятнее всего, в смерти Наташи была виновата вся дежурная бригада врачей, но суду предали только одного. Следствие по этому делу продолжалось недопустимо долго – 3,5 года. Судебный процесс был отрежиссирован районной прокуратурой так, чтобы минимизировать вину врачей за их профессиональную деятельность, причинившую вред Наталье и ее семье (это теперь так называется, убить – значит причинить вред?). А окончание судебного процесса было преднамеренно подогнано под дату выхода Постановления Госдумы «Об объявлении амнистии в связи со 100-летним юбилеем учреждения Госдумы в РФ». Кировский суд вынес приговор теперь уже бывшему врачу городского перинатального центра, где рожала женщина. Приговор, который поражает своей циничностью – два года условно. Но даже это минимальное наказание не будет исполнено, потому что подошла амнистия.

Самое страшное в этой истории то, что трагедия была предотвратима. К такому выводу пришли и члены комиссии, проводившей служебное расследование, и новосибирские специалисты, проводившие две экспертизы по этому делу. Просто нужно было вовремя сделать операцию кесаре-

во сечение.

Сейчас идёт много споров, как избежать подобных трагедий. Я знаю один очень простой способ. Он, правда, совсем не придётся по нраву медперсоналу роддомов. И тем не менее. Надо просто допустить в больницу стороннего наблюдателя, причём не только на период родов, а на всё время нахождения женщины в роддоме. Это может быть мать, сестра, брат, муж или просто подруга. Если бы Наташин брат был бы рядом, Наташа и её малыш остались бы живы, он бы нашёл дежурную медсестру, дал бы ей в челюсть, ну это я утрирую, но я уверена, он настоял бы на проведении своевременной операции. Если бы моя мама была со мной, то никто не бил бы меня по щекам, не оскорблял, мне бы поставили обезболивающее, я не лежала бы в коридоре одна одинешенька целый день. Они бы не посмели так со мной поступать, а если бы и посмели, я знаю свою маму, они бы очень и очень пожалели и быстро-быстро исправились. Но я-то ладно, ещё легко отделалась, а вот Наташу и её малыша невероятно жалко, такое не должно происходить в современном мире. Однако эта трагедия заставила всех увидеть проблему роддома на Рентгена. Нужно было умереть ей, чтобы другие могли там рожать спокойно. Но спокойно ли? Я знаю девушку, которая рожала куда позже меня там же, прчием даже доктор нас один и тот же оперировал. У неё был подобный случай, кесарево, оперировали, зашивали, повреди-

ли сосуды, снова разрезали, удалили матку, недошили, перешили, разрезали и опять зашили, чудом выжил человек. Чудом! Перелили всю кровь, потому что в одно место вливали, а из другого вытекало, пока нашли причину утечки, лили всё подряд, уже не смотрели на группу крови, лили, что было. Месяц в себя приходила девушка, почки отказали. И это случилось там же, в том же проклятом роддоме на Рентгена через двенадцать лет после трагедии с Наташей и её малышом. Спасибо, что не убили! Некоторые вещи не меняются.

Часть II

Дневник Алисы Буле

Я долго не могла забеременеть повторно. Дело в том, что мне в качестве противозачаточного средства прописали препарат депо-провера, ведь мне нельзя было рожать целых три года. Это было очень удобное средство, один укол раз в три месяца и никаких месячных. Какая экономия на прокладках! Но после отмены препарата его действие сказывалось на моём организме ещё долгих два года.

Моя вторая беременность застала меня в пути. В мае я была с мужем в Москве, моя подруга Веро организовала выставку моих картин. Но это была лишь отмазка для родственников (Саша использовался мной как грузчик, картины в стекле весят о-го-го!), чтобы посидели с внуком, на самом деле истинная цель поездки была показать Саше Москву и Питер. Мы остановились в Москве у Юли, передали Веро картины для выставки. Затем рванули в гости к моей сестре Маргарите Готье, которая живёт в славной северной столице нашей необъятной родины, городе Санкт-Петербурге, там сходили в Русский музей, Петергоф, ну и так, погуляли. Особенно погулял Саша. Результатом его загула стал развод

с моей стороны и выкидывание обручальных колец в Неву с Сашиной. Однако перед самым возвращением домой мы помирились, мирились мы шумно, вся Лиза Чайкина слышала, как мы мирились, тут у меня случилась задержка, вначале я соотнесла её с резкой переменой климата. Ведь частенько во время путешествий сбивается месячный цикл. Но уже тогда я стала подозревать нечто большее, чем просто задержку, поэтому на всякий случай я бросила пить и курить. По приезде домой я заметила, что меня стало тошнить по утрам, что только усилило мои подозрения. Но уверенности у меня по-прежнему не было. Тест на беременность я делать не стала, зачем? Если я беременна, то буду рожать, если нет – ну и ладно.

13 июня 2005 года (понедельник)

Вернулись с Мамая. Съездили хорошо, я боялась, что Паша заметит мою беременность, но, слава Богу, там меня перестало тошнить. Впечатлений масса, обожрались черемши, на гору я не залезла, а мальчики побывали на вершине – молодцы! Моё самочувствие прекрасное, но в городе совсем нечем дышать, опять задыхаюсь.

Мамай

Все кругом говорят, – Появился турист…
Пётр Мамонов

Что такое Мамай?

Мамай это место.

Мамай это и железнодорожная станция, и река, и гора, я же говоря: «Пойдём на Мамай!» подразумеваю место Силы в долине речки Мамай, а на гору Мамай никто и не собирается, предпочитаем лезть на вершину горы с более безобидным названием Поляна.

Местом Силы я называю место, где есть духи. Я их чувствую, но объяснить это не могу. Нельзя сказать, что я их вижу или слышу, однако их присутствие неоспоримо. Духи, они не добрые и не злые – это Сила, генерирующая наши эмоции. Пришёл ты в место Силы злым или обиженным – не удивляйся, если сломаешь руку, ногу или, даже, умрёшь, пришёл добрым и радостным – уйдёшь сильным и здоровым. Так-то! В таких местах нельзя быть вредным или слабым, туда нужно идти с чистым сердцем, должным уважением и твёрдым намерением, тогда духи тебя не тронут, а даже наоборот поделятся с тобой Силой. Духов много не только на Мамае, но и на Шумаке, Аршане, в районе горы Мун-

ку-Сардык, на Байкале, есть духи и на Черском, и на Порожистом. Даже на нашей любимой зимушке «Детская домина» есть свой ручной дух, а на даче в молодом лесочке поселились глупые лесные феи и дриады.

Дорога на Мамай не сложная и живописная, постепенный пологий подъёмчик – там и ребёнок пройдёт, под ногами журчат ручьи. В городе уже давно лето, а на Мамае природа только просыпается: тает ослепительно белый снег, в проталинах спешно появляются, пробиваются сквозь ажурную сетку из прошлогодней ржаво-коричневой листвы, тянуться к солнцу сочные зелёные побеги бадана, черемши, папоротника.

Почему мы всегда ходим на Мамай в начале июня?

Потому что летом на Мамае льют дожди. В городе светит солнце, на Байкале хорошая погода, а на Мамае дождь – это местные субтропики, удивительное место. Кому же охота мокнуть под дождём, а в июне там жара, солнце и море молодой черемши. Если идти на Мамай зимой или весной, когда много снега, то найдёшь там толпы туристов-сноубордистов, очень уж им приглянулись эти безлесые пологие склоны, а мы все-таки хотим отдохнуть от людского общества. В июне же на Мамае бродят лишь местные жители, собирающие черемшу, (и медведи) да и то в самом начале пути. В июне на Мамае особенно хорошо и красиво.

Пошли мы втроем не считая собаки: я, Павлик и Саша. В самом начале пути мы немного блуданули, точнее шли мы правильно, только Саша не узнал дороги (у меня по жизни топографический кретинизм, поэтому проводник у нас всегда Саша), за год она сильно изменилась. Раньше на Мамай вела скромная лесная дорога, заросшая травой, а теперь мы шли по развороченной трактором, грязной колее, очень напоминающей рваную рану на теле матушки земли.

Мы часто останавливались, фотографировали, я вообще человек неспешный, а во время беременности особенно. Когда раньше Саша ходил без меня, то он пролетал всю дорогу ничего вокруг не замечая, а вокруг-то красота! Здесь журчит маленький водопадик, окружённый баданом и мелкими жёлтыми цветочками названия которых я не знаю, тут мы отдыхаем молча у речки, из-за шума воды всё равно ничего не слышно.

Доходим до болотца и встречаем железного монстра утопшего наполовину. Это трактор, впереди у него, как же это называется? Оказывается я не знаю. Что-то вроде большой лопаты, такие машины чистят зимой дороги от снега. Вот он, вредитель леса. Но лес защитил себя сам, он потопил этого железного зверя, не дал пройти сквозь себя. Не проехать дальше сноубордистам на крутых джипах, придётся та-

щить им на себе свои сноуборды. Я ликую! Может, конечно, я и ошибаюсь, и это кто-то другой решил проложить здесь дорогу и испоганить святое место, но кому ещё это могло быть полезно? Загадка. Дальше идёт обычная лесная тропа, кое-где приходится преодолевать буреломы. Моя собака Нора (Наран по паспорту), помесь кавказца и добермана, гоняет бурундуков. Проходим черничную поляну, в августе здесь будет полно черники. Солнце печёт нещадно, но мы не спешим оголяться. За нами гонится целый рой паразитов: комары, пауты и прочая кровососущая нечисть. Причём мазаться бесполезно, потому как им абсолютно плевать на все эти фумитоксы, маскитолы и прочий яд от комаров – на них он действует. То ли они читать не умеют, то ли не верят производителям этих средств, а может просто очень голодные.

Мы топаем по луговине, деревьев нет, спрятаться негде от палящего солнца. А внизу аппетитно шумит река. Доходим до вагончика. Он стоит на сваях напоминая избушку на курьих ножках. Но мы проходим мимо, вагончик возвышается в метре от земли в куче мусора: пустые консервные банки, полиэтиленовые пакеты, бутылки. Снег растаял и оголил весь тот мусор, что оставили после себя туристы-сноубордисты за зиму. На фоне окружающей красоты это смотрится чудовищно. Стыдно. Стыдно за этих богатеньких сноубордистов на джипах, что не могут унести свой мусор с собой назад. Мы никогда не оставляем после себя мусора, что

можем – сжигаем, что не горит – уносим с собой, стекло так вообще никогда в лес не тащим.

Наша стоянка чуть дальше. В тени одиноко стоящего дерева делаем привал. Пьём воду, жажда на такой жаре невыносимая. Я остаюсь с рюкзаками, ноги гудят, задумчиво жую сочную черемшу, другой черемшинкой отгоняю комаров, а мальчики пошли искать брод. Преодолеваем реку, теперь надо чуть-чуть подняться в горку. Вот оно, наше горное озеро. Уже несколько лет мы останавливаемся именно на этом месте. От дороги далеко, вода рядом, дров полно, а главное красиво-то как! Мы ополаскиваемся в озере, вода ледяная, зато в теле опять появилась сила и бодрость, усталость как рукой сняло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.